

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

КРОВЬ **Олег Таругин** ТАНКИСТОВ

От Прохоровки до Афгана

Танкисты

Олег Таругин

Кровь танкистов

«Махров»

2014

Таругин О. В.

Кровь танкистов / О. В. Таругин — «Махров»,
2014 — (Танкисты)

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлера «Танкисты: перезагрузка». ПЕРЕКРЕСТНАЯ ВОЙНА двух русских солдат, обменявшихся разумами и эпохами: одному суждено воевать в прошлом, за четверть века до своего рождения, другому – в будущем, через много лет после собственной смерти. Десантнику-«афганцу» придется жечь «Тигры» на Курской дуге, а сталинскому танкисту – принять бой на руинах СССР. От Великой Отечественной до наших дней, от танкового побоища под Прохоровкой до афганских перевалов – война у них одна. И Родина, и Победа, и кровь – одна на двоих. И танк тоже один – легендарная «тридцатьчетверка»...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Олег Таругин

Кровь танкистов

70-летию Курской битвы посвящается

Действующие лица романа и названия географических объектов вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения. Все приводимые в книге исторические и технические данные взяты исключительно из открытых источников либо также вымышлены.

Несмотря на то что действие книги частично происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших Героев постарается, где это возможно, не описывать конкретные войсковые операции и будет избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru). Спасибо большое, друзья!

Пролог

Лес за семьдесят лет изменился, и сильно, однако ту самую, памятную, поляну Краснов все-таки узнал. Хоть ни разу в жизни лично и не видел. Не сказать, чтобы сразу, поисковикам под его, будем надеяться, чутким руководством пришлось изрядно помотаться по окрестностям с металлодетекторами (если небритые парни в камуфляже и матерились, то исключительно про себя), но уж когда отыскали вросший в землю мотор от сбитого самолета, сомнений не осталось. Опять же, обгорелые обломки дюралья, во множестве обнаруживаемые под дерном да и просто разбросанные по поляне, окончательно развеяли последние сомнения. Да, это было именно то самое место! Именно здесь семь десятилетий назад он с товарищами из экипажа уничтожил немецкую разведгруппу, захватив документы погибшего оберста с труднопроизносимой фамилией. Ну, то есть не совсем он, конечно, вообще-то Дмитрий Захаров, но сейчас это не имело никакого значения, поскольку память о произошедшем в далеком сорок третьем у них теперь была одна на двоих...

– Так что, здесь? Точно? – командир поискового отряда «Память войны» Саша Гулькин со смешным для его возраста прозвищем «Старый Империалист» устало отер со лба соленый пот. – Или снова пустышку тянем? Старожилы говорили, тут тех самолетов в сорок третьем набилось...

– Точно, – решительно кивнул в ответ Василий. – Вон там, метрах в ста, где заросли. За кустами будет ложбинка между двумя деревьями. Должна быть, по крайней мере, хотя думаю, никуда она со временем не делась. Пройдись с прибором, прозвони, в могиле будут «ППШ» и фляга, так что сигнал пойдет. Ну и гильзы кругом. Дальше я уж сам.

– Странный вы какой-то, – буркнул в ответ Гулькин. – Если б мне этот ваш столичный полковник-фээсбэшник не позвонил, ни в жисть бы с собой на Вахту не взял. Еще и с баб... с женщиной, простите, – он бросил короткий взгляд на стоящую в нескольких метрах девушку с заметно округлившимся животом. – Кто ж на коп беременную тянет...

– Нормально все, Саша, – устало буркнул Краснов. – Пошли, ребята ждут.

– Да ребята-то подождут, что им сделается, – пожал камуфлированными плечами поисковик. – Самолет же нашли, пусть и сгоревший. Редкая находка, как ни крути.

– А я не о твоих бойцах, командир, – поморщился Василий. – Я о своих. Они и так уж семьдесят с лишком лет ждали. Пора им должок вернуть. Обещал я.

Смерив танкиста подозрительным взглядом, командир отряда кивнул:

– Ладно, пошли...

– ...И вправду что-то есть, – в голосе поисковика сквозило откровенное удивление. – Совсем неглубоко. Верховой, похоже.

– Двое, – внезапно охрипшим голосом ответил Краснов. – Двое их там. Тот, что слева лежит, Коля Балакин, справа – Сашка Сидорцев. Мехвод мой да стрелок-радист. Сам и хоронил.

– А вы это... – Александр осторожно покрутил рукой возле виска. – Не того? Вам лет сорок, как *вы* их могли хоронить?!

– Ты не поймешь, – покачал головой Василий. – Лопатку лучше дай. Я сам раскопаю.

– Не положено. Вы в поиске человек новый, если на ВОП наткнетесь...

– Нет там никаких ВОПов! – внезапно рявкнул Краснов. – Патроны разве что, карманы Димка мужикам, извини, не выворачивал! Лопату давай!

– Что за бред?! – окончательно не выдержал поисковик. – Нет, я понимаю, что меня про вас очень серьезно *предупреждали* и отдельно просили, чтобы ничему не удивлялся, лишних вопросов не задавал, а после не болтал, но это как-то уж слишком...

Вместо ответа Василий молча обернулся, встретившись с парнем взглядом. Спустя несколько секунд тот первым отвел глаза, без слов протянув малую пехотную лопатку, почти не изменившуюся за десятки прошедших с войны лет. Такая была у него на войне... и подобная же, разве что без обжимного кольца и неклепаная, входила в состав обязательной снаряги в Афгане.

– Да ладно, копайте. Это я так, – и смущенно отступил в сторону, вытягивая из кармана камуфляжа помятую пачку сигарет.

Опустившись на колени, танкист аккуратно взрезал штыком дерн, откинув в сторону. Еще раз, и еще. Сделал несколько решительных движений лопатой. Грамотно заточенная «пехотка» взрезала землю, словно нож – тепкое масло. Армия всегда одинакова, и эти безумные пацаны-поисковики – тоже армия. Да, именно армия! Пусть не воевавшая – но воюющая. Всегда воюющая; сражающаяся от Вахты до Вахты; до тех самых пор, пока не будет найден и захоронен последний солдат той Великой Войны. А поскольку это вряд ли возможно найти их всех, то и бой их вечен. И потому никто не знает, когда на самом деле закончится та Война. Может быть, и никогда. Пока живо человечество, пока жива Память...

Зашуршала прошлогодняя листва, и рядом опустилась на корточки Соня:

– Вась, ты как? Ты это, не переживай сильно, милый, ладно?

– Сонь, да нормально все. Ты иди, посиди где-нибудь в сторонке, в тенечке, тебе ж вредно волноваться. Ну, то есть вам с малышом. Иди, ладно?

– Хорошо, – девушка послушно поднялась на ноги. – Я там, на поляне, буду. Работай.

И ушла, не произнеся больше ни слова.

А бывший танкист все рубил и рубил отточенной сталью слежавшийся за прошедшие десятилетия грунт. Наконец штык с глухим, каким-то крайне *неприятным* звуком скользнул по чему-то пока невидимому и неопределяемому. Нашел, стало быть...

– Кость, – мгновенно среагировал топчущийся рядом Гулькин, отбросив подальше недокуренную сигарету. – Стопудово, кость. Может, дальше все же я? Вы не обижайтесь, пожалуйста, но у меня лучше получится.

– Сейчас. – Краснов передал поисковику лопатку и склонился над раскопом. Торопливо, едва не ломая ногти, разрыл голыми руками землю, почти сразу же наткнувшись пальцами на истлевший, крошащийся от прикосновений танкошлем. Еще несколько движений, и обнажился череп – с забитыми землей глазницами, темно-желтый, отчего-то повернутый на бок и без нижней челюсти, видимо, смещенной куда-то корнями близлежащего дерева.

Танкист тяжело сел на землю, машинально отер грязные руки о штанины камуфляжного костюма:

– Вот и свиделись, земляк. Привет тебе с родной Одессы. Я ж обещал, что вернусь? Вот и вернулся. А Димка Захаров мне в этом помог, так что и от него привет. Хотя вы, наверное, с ним уже и так встретились...

На плечо легла чья-то рука. Повернув голову, Василий увидел поисковика, протягивающего ему дымящуюся сигарету:

– Вы, это, покурите пока, хорошо? Я уж тут сам.

И взглянув в его лицо как-то уж совсем странно, тихонько добавил:

– Простите меня, ладно? Десять лет на копе, всякого повидал, но такого... не обижайтесь. Вы их и вправду знаете?

– Да, – Краснов затаился и выпустил дым. – Если не веришь, то копай дальше. Там найдешь флягу, на ней выцарапаны инициалы и бортномер танка. Те самые, что я называл. Я их сам и нацарапал семьдесят лет назад. Ну, то есть Димка, но сейчас это неважно. Николай Балакин, механик-водитель, бывший рабочий Одесского завода имени Январского восстания. Пропал без вести весной сорок третьего. Рядом – стрелок-радист Александр Сидорцев, студент политеха, родом откуда-то из Сибири. Пропал без вести тогда же. Номер танка известен, думаю, если пробить через «Мемориал», определите обоих – адреса проживания, каким военкоматом призывались – и все такое прочее. Как найдете данные по Балакину, сообщите, я сам к родственникам схожу, если остался кто. Еще в моем экипаже был заряжающий Иван Гуревич, белорус из-под Гомеля, но о нем больше ничего не знаю. Помню только, что ему девятнадцать лет в сорок третьем было. Всё.

– Хорошо, – серьезно кивнул поисковик. – Сейчас мужики подойдут, мы с анатомией поработаем, зачистим останки, а поднимать бойцов будем вместе с вами. Отдохните пока.

– То есть не мешайте и под ногами не путайтесь? – понимающе усмехнулся Краснов. – Да ладно, понятно все. Работайте, парни...

– ...Василий... э-э-э... – стоящий перед ним незнакомый поисковик смущенно сморгнул. Собственно, откуда ему знать отчество Краснова? Там, на войне, он всегда был или «Васькой», или «лейтенантом», или «командиром». В зависимости от обстоятельств. Да и здесь, в далеком будущем, не многое изменилось.

– Иванович, – подсказал, ухмыльнувшись, танкист.

– Василий Иванович, все готово. Можно поднимать ребят. Медальонов не нашли, но «Империалист» говорит, и не нужно, – русоволосый парень лет двадцати с небольшим в испачканном глиной крапчатом камуфляже нетерпеливо переступил с ноги на ногу. – С ними еще «папашин» автомат подняли, фляжку с инициалами и номером танка, ну и по мелочам там. Вы идете?

– Конечно, иду, боец. Я сейчас, – Краснов поднялся, коснувшись плеча сидящей на земле Сони:

– Ты тут побудь, ладно? Незачем тебе это видеть. Это мое прошлое и моя война.

– Да иди, конечно, – девушка понимающе хмыкнула, – привыкла уж, Вася. Иди, попрощайся с ребятами.

– Немцев нашли? – спросил Краснов, поднимаясь на ноги.

– Не-а. Гильзача немного, ржавый «MG-42» да магазин от эмпэшника. А еще горшок фрицевский, «тридцать пятый»¹, убитый в хлам. Всё.

– Значит, эсэсманы своих таки прибрали. А моих не нашли, твари. Ладно, пойдем...

...Балакин и Сидорцев лежали так, как Дима их и оставил более семидесяти лет назад. Вернее, похоронил, наспех закидав землей – проржавевшая в решето немецкая лопатка, брошенная после коротких «похорон», так и валялась рядом. Остальное сделало время и природа. Корни деревьев, по прихоти судьбы, оставили оба скелета почти что нетронутыми, разве что растащили отдельные кости. Комбинезоны давно истлели, остались лишь наиболее пропитанные солярой и машинным маслом лохмотья да подошвы сапог. Между телами так и лежал ржавый, с оплывшим от времени диском «ППШ» с напрочь сгнившим прикладом и памятная алюминиевая фляга.

Поисковики уже зачистили останки «под кисть», освободив от глины желтоватые кости, и казалось, что два лежащих рядом скелета в последней попытке покинуть неглубокую могилу приподнялись над слежавшейся землей. Молча постояв над раскопом, Краснов полез в карман и вытащил старый, с затертой от времени картинкой алюминиевый портсигар. Отщелкнул крышку – внутри обнаружились две папиросины. Наклонившись, аккуратно положил его на торчащую вросшими в глину ребрами грудь того, кто семь с лишним десятков лет назад был Николаем Балакиным:

– Держи, земляк, возвращаю. Подымишь с Сашкой там... где-нибудь, тут как раз две штуки. И – спасибо. Прощай.

Василий обернулся к поисковику:

– Помянуть чем есть?

Кто-то молча протянул негромко булькнувшую армейскую фляжку. Скрутив колпачок, танкист сделал глоток, отдышался – внутри оказалась не водка, спирт:

– Царствие вам Небесное, мужики. И земля пухом. Димке привет. Еще встретимся.

Вернув флягу, он, не оглядываясь, двинулся прочь.

Туда, где на поляне его ждала законная жена по имени Соня. Вот и все, он исполнил свое давнее обещание. Нашел ребят.

И вовсе не важно, что обещание это давал Дмитрий Захаров, а выполнил его он, Василий Краснов. Главное – выполнил. И теперь их похоронят по-человечески, а не безымянными. Парни из «Памяти войны» свое дело знают: и родных найдут, и с архивами поработают. А ему? Ему пора возвращаться домой. Нет, не ему – *им*. Всем четверым. Соньке меньше чем через полгода рожать.

И еще он знал, как назовет своих сыновей: месяц назад УЗИ показало, что у них будет двойня, мальчики...

¹ Имеется в виду немецкая каска M35. Вы наверняка видели ее в фильмах о войне или кинохронике.

Глава 1

Москва, недалекое будущее

Доктор физико-математических наук, профессор Сергей Николаевич Мякишев с трудом поднялся из старенького кресла и, шаркая по полу разношенными тапочками, пошел в сторону прихожей, откуда раздавалась требовательная трель дверного звонка. Да уж, старость не радость, как говорится. Эх, вернуться бы в прошлое, лет на тридцать, а лучше на сорок! Квартира в столице и неплохая научная пенсия плюс надбавка за кое-какие «особые заслуги»? А зачем ему это все, если жизнь уже давно потеряла всякий смысл? Детей у него не было, любимая и единственная супруга умерла от рака еще десять лет назад, настоящей работы тоже нет. Остались одни воспоминания. А ведь как все здорово начиналось тогда, в 80-х! Какой прорыв ожидался в науке, какие перспективы мерещились, когда он возглавил тот уникальный проект! И ведь им все удалось, они, страшно сказать, научились отправлять в прошлое физические объекты, их работой заинтересовались на самом верху, обещали... да, собственно, много чего обещали. Но закончилось все полным крахом.

Пришел новый Генеральный, объявил, что теперь у них врагов нет, а остались одни друзья, – и все рухнуло. Вообще всё – страна, наука, армия, само будущее. А ведь им оставалось совсем немного, совсем чуть-чуть до окончательного прорыва. «Прокол», именно так назывался проект всей его жизни, себя вполне оправдал. Вот только вторая его фаза так и не получила ни развития, ни финансирования. А потом и вовсе всем и на все стало наплевать. Нет, лет пять, если память не изменяет, назад к нему приходили те самые хрестоматийные «люди в строгих костюмах», интересовались, не осталось ли у него каких-либо материалов по «Проколу», которые не попали в спецархив. Болваны! Сразу видно, не служили они при Союзе, потому и не знают, как *тогда* следили за государственными секретами. Ну, какие у него могут оказаться материалы, если он давал подписку о неразглашении без срока давности?! Если он даже в любую из бывших республик бывшего же СССР не сможет ни на день отправиться, поскольку пожизненно невыездной? Идиоты, право слово...

Кстати, интересно, кто все-таки мог прийти в столь позднее время? Наверняка соседка Вера снова будет тыщонку до пенсии просить. Даст, конечно, она ж не на водку берет. Пенсия у нее обычная, социальная, а внуков аж двое. Без отца парни растут, одна мать на себе тянет. Переписать, что ли, на них квартиру? Хоть что-то полезное в этой жизни напоследок сделает. А то ведь въедет сюда какой-нибудь жлоб из этих, новое поколение которые, да станет туда, где они с покойной супругой столько лет счастливо прожили, всяких шлюх из ночных клубов водить. Нет уж, хрен! Подобного точно не будет, он не допустит. Ох, ладно, к чему перед ночью душу бередить?..

Дошаркав до двери, профессор взглянул в глазок. За дверью стоял незнакомый мужчина средних лет. Один. Стоял, в смысле, один. Хотя сейчас никому доверять нельзя, остальные могут и на лестнице прятаться. Правда, на первом этаже консьержка сидит, абы кого не впустит. Дом-то, в принципе, еще со времен Союза *не простой*...

– Кто?

– Сергей Николаевич? – вопросом на вопрос ответил гость. – Полковник Логинов, Федеральная служба безопасности. Понимаю, время позднее, но вы дверь на цепочку приоткройте, я вам удостоверение покажу. И не бойтесь, пожалуйста.

– А я и не боюсь, – буркнул Мякишев, щелкая замком и распахивая дверь. – Чего мне бояться-то? Отбоялся свое, надоело, знаете ли. Входите уж, коль пришли.

Гость переступил порог, протянув раскрытое удостоверение:

– И все же, попросил бы взглянуть. И дверь закройте.

Доктор наук пожал плечами, скользнул взглядом, не вчитываясь, по документу и запер дверь. Сделал приглашающий жест:

– Проходите в комнату. Только обувь снимите, тапки вон там, на полке. А то мне самому уже сложновато прибираться, раз в неделю Вера приходит, помогает. Соседка.

– Да я в курсе, – улыбнулся гость. – Давайте все же пройдем внутрь и поговорим уже там? Не против?

– Нет, – буркнул Мякишев, зашаркав обратно в комнату. – Прошу...

В комнате профессор занял привычное кресло, кивнув гостю на соседнее, и выжидательно уставился на Логинова. Фээсбэшник затягивать с разговором не стал. Но перед этим сделал то, чего физик, честно говоря, ожидал меньше всего: раскрыв принесенный с собой кейс, выставил на журнальный столик небольшой прибор и включил его. Ого, генератор «белого шума», нужно полагать? Неужели его квартира все эти годы могла стоять на прослушке?! Ничего себе... Хотя, учитывая, чем он раньше занимался, отчего нет? Неприятно, конечно, ну да не страшно. Раньше и не такое бывало, так что он привык.

Дождавшись, пока на передней панели загорится зеленый огонек, полковник удовлетворенно кивнул и сообщил:

– Сергей Николаевич, полагаю, вы прекрасно знаете, что это за устройство? Но мы, в смысле госбезопасность, вас не слушали, могу это официально гарантировать. Так что не волнуйтесь. Просто считайте происходящее излишней подстраховкой. Правда, за другие... э-э-э... *конторы* ничего сказать не могу.

Мякишев пожал плечами в ответ: мол, пусть будет так, все равно проверить не смогу. Полковник же продолжил:

– Вы хорошо помните ваш проект?

– Издеваетесь? Это было дело всей моей жизни, которое столь бездарно похерили все эти, *нынешние*. – Последнее слово профессор даже не произнес – презрительно выплюнул.

– Полагаю, смогу вас удивить, Сергей Николаевич. Проект «Прокол» вовсе не был, как вы изволили выразиться, «похерен». И примерно пять лет назад получил дальнейшее развитие, причем именно в том направлении, о котором вы говорили с представителем отдела оборонной промышленности ЦК КПСС, помните? Акимов, Сергей Владимирович. Восемьдесят четвертый год. Сибирь, спецполигон «объекта 873»?

Мякишев помолчал несколько секунд, прищунив глаза и вглядываясь в лицо собеседника:

– Ну, допустим. Вот только...

– Есть ли у меня допуск? – верно истолковал его взгляд полковник. И вытащил из так и стоящего раскрытым кейса лист бумаги. Протянул физику:

– Прошу. Ознакомьтесь, там все сказано.

Сергей Николаевич внимательно прочел короткий текст, перечитал еще раз и кивнул, возвращая документ собеседнику:

– Хорошо, допустим и это. И что? В смысле, что именно вас интересует? Вся информация, в том числе и результаты опытов, насколько знаю, была передана в архив именно вашего ведомства. Я-то тут при чем?

– Позвольте, я вам сначала кое-что расскажу, хорошо?

Мякишев развел руками, откинувшись на истертую спинку кресла:

– А у меня есть выбор?

– Выбор есть всегда, Сергей Николаевич. Например, выставить меня из квартиры.

– И уйдете? – вздернул бровь тот.

– Конечно. Ваше право. Я ж вас не арестовывать пришел. Но неужели вам и на самом деле не интересно?

– Рассказывайте, – тяжело вздохнул профессор. И неожиданно быстро добавил: – Да нет, конечно же, интересно! Вот только, что бы вы сейчас мне ни рассказали, боюсь, слишком поздно...

Помолчав, полковник негромко ответил:

– Что ж, не стану вас разубеждать. Хотя насчет того, что уже поздно... это еще как посмотреть. Ладно, слушайте, Сергей Николаевич...

Мякишев, взволнованно ходивший по комнате, несмотря на больные ноги, наконец остановился. Взглянул на невозмутимого фээсбэшника:

– И вы так спокойно об этом говорите?! Как бишь вас?

– Анатолий Анатольевич.

– Вот! – непонятно, что имея в виду, ответил тот, воздев перед собой палец. – Именно! И вы, Анатолий Анатольевич, столь спокойно рассказываете мне о том, что вам удалось совершить первый в истории обмен разумами между людьми, разделенными поистине гигантским временным промежутком?! Семьдесят лет, с ума можно сойти! Это огромный прорыв в науке, уважаемый! Пожалуй, даже куда больший прорыв, чем все то, чего удалось добиться моей лаборатории в восьмидесятых! Просто потрясающий успех, и я весьма горд, что некогда имел непосредственное отношение к происходящему. Компьютерная игра, надо же! Никогда не воспринимал всерьез все эти новомодные штуковины, считал их чистой воды развлечением, причем глупейшим и дурманящим нынешней молодежи мозги, а вон оно как обернулось. Надеюсь, вы нашли этого человека?

Невозмутимо дослушав эмоциональный монолог до конца, полковник едва заметно усмехнулся и ответил:

– Ну, во-первых, не все так просто и радужно, как вам показалось с первого взгляда, уважаемый Сергей Николаевич. А во-вторых? Да, его нашли. Но сразу же и потеряли.

– Что, простите?

– Присядьте, пожалуйста. И успокойтесь, в вашем возрасте вредно волноваться. – Логинов кивнул на кресло. – Присядьте, и я вам все расскажу. А заодно и объясню, отчего завылся в столь позднее время.

Профессор послушно опустился на сиденье, прикрыл ноги пледом:

– Итак, молодой человек?

– Повторюсь, Сергей Николаевич, к сожалению, не все столь радужно. Вы слышали о теории нарастаний изменения времени? Наверняка ведь слышали?

Профессор пожал плечами, сухо ответив:

– Старческим маразмом пока не страдаю. Когда разрабатывали теоретическую базу «Прокола», об этом много говорили и спорили. Но мы тогда были поглощены работой, практикой и на теорию, тем более касающуюся неких гипотетических последствий, обращали куда меньше внимания. Всем хотелось получить результат. Ну, да, припоминаю, было две теории. Первая о том, что любое изменение прошлого неминуемо приведет к изменению настоящего, суть – будущего. Неофициально ее еще называли «теорией Брэдбери», или «эффектом бабочки». Вторая... сейчас припомню... ах, да, вторая противоречила первой, предполагая, что чем дальше в прошлом будет применено воздействие, тем меньше будет его отклик в будущем. Словно ведро с краской, вылитое выше по течению: чем дальше от купающихся это произойдет, тем меньше они перемажутся. И наоборот, соответственно. Мог что-то подзабыть, конечно, но примерно так. Вот только не помню точно, как наши ребята вторую теорию называли, вроде бы именно так, «ведерко краски».

Иными словами, молодой человек, согласно первой теории, наиболее мощное воздействие на будущее или настоящее – смотря какой критерий исходной точки избрать – можно осуществить именно в далеком прошлом. А вот согласно второй – наоборот. Чем ближе по временной шкале точка приложения, тем сильнее изменения. Соответственно, чем дальше – тем слабее эффект. Да, кстати, возможно, вы не знаете, но существовала и третья теория, так называемого «ответвления от основной ветви». То есть исходная линия времени-пространства остается неизменной, но в момент воздействия от нее ответвляется некая новая ветка, где события могут идти как угодно, хоть по варианту «бабочки», хоть по «ведерку краски». Причем абсолютно не ясно, приводит ли подобное «ответвление» к созданию полноценного мира, новой пространственно-временной реальности, или нет. Может, да, а может – и нет. Но, хочу заметить, все это – только голая теория, и не более того! На тот момент мы всего-то научились перемещать в прошлое некий физический объект массой в пару десятков килограммов – и все. Остальное, насколько я понял, ваша заслуга. Или я ошибаюсь?

Логинов хмыкнул:

– Ну, во-первых, не моя, я всего лишь один из кураторов проекта, а тех людей, что осуществили дальнейшее развитие «Прокола». Впрочем, это неважно. Вы абсолютно верно все обрисовали. Вот только те, кто сейчас занимается проектом «Игра», склоняются, скорее, к первой теории. К той самой, которую вы и назвали «Брэдбериевской». Хотя третья теория мне тоже показалась занятной. Пожалуй, стоит передать ваши слова специалистам.

– «Игра»? – заинтересованно переспросил ученый. – Ах, ну да. Я понял. Можете не пояснять. И что?

– Хорошо, – кивнул фээсбэшник. – Так вот, мы... ну, то есть те, кто сейчас занимается проектом, считаем, что нахождение в столь далеком прошлом человека из нашего времени, да еще и профессионального военного, может иметь абсолютно непредвиденные последствия для нашей реальности.

– Человека? – живо заинтересовался тот. – Или все-таки его психоматрицы?

– А разве это имеет существенное значение? – совершенно искренне удивился Логинов.

Несколько секунд Мякишев молчал, задумчиво шевеля губами, затем коротко дернул рукой:

– Право, не знаю, в конце концов, я физик, а не биолог и уж тем более не специалист по психофизиологии. Просто вы сказали «человека», вот я и подумал... ладно, неважно. И что дальше?

– Повторюсь, – терпеливо ответил фээсбэшник. – Мы считаем, что, как вы выразились, психоматрица попавшего в прошлое игрока вполне может стать причиной непредсказуемых изменений нашей реальности. А это весьма опасно, думаю, вы со мной согласитесь. Причем тот факт, что мы пока их не ощущаем, вовсе не означает, что их нет.

– Я-то, возможно, и согласился, кабы знал больше, – задумчиво протянул ученый. – Слишком много неизвестных и неучтенных факторов. Безумно много. Уровень образованности, психологический фон перед и во время переноса, отношение к Великой Отечественной, наличие воевавших или погибших на войне родных, удовлетворенность или, напротив, неудовлетворенность нынешней жизнью, собственное желание что-либо изменить в настоящем, в конце концов...

– В точку, – негромко произнес полковник. – Согласно нашим данным, он всеми силами постарался бы изменить ход войны, поскольку крайне не удовлетворен своей нынешней жизнью.

– Своей – или вообще? – мгновенно отреагировал ученый. – Я ведь сказал, слишком мало исходных данных. Говорите уж. Я ведь чувствую, что это не все.

– Вы правы, – не стал спорить Логинов. – Ну да, в том-то и дело, что вообще, – Анатолий Анатольевич тоже умел интонировать нужное слово. – Знаете, что самое смешное? Наш

нынешний фигурант – первый и единственный успешный случай полного взаимобмена разумами. И он, согласно заключению наших аналитиков, как раз из тех, кто обязательно попытается изменить прошлое во благо настоящего. Во благо Родины...

– А разве это плохо?! – живо осведомился пожилой ученый. – Разве вам самому не кажется, что в нашей нынешней жизни все не столь уж и радужно? Мне, например, очень даже кажется. И, заметьте, лично мне еще весьма неплохо живется – и пенсия вполне нормальная, и квартира, и прочее-десятое... А многим другим? Особенно не у нас, в России или Белоруссии, а за границами, в других странах бывшего Союза?

– Сергей Николаевич...

– А что «Сергей Николаевич»? – чуть ли не подпрыгнул тот в кресле. – Нет, я согласен, нашему нынешнему руководителю удалось почти что невозможное, он ухитрился вытащить из трясины величайшую в мире страну! Величайшую! И сейчас мы имеем неплохой вес в мире. Нас даже, страшно сказать, снова начали уважать; уважать через два десятилетия откровенного унижения и тыканья мордой во всякое, простите, дерьмо. А возможно, даже где-то и бояться, как было раньше, при СССР. И если б я мог встретиться с ним, честное слово, склонил бы голову в знак признания.

Но вы хоть раз задумывались, что, собственно, дальше? Через десять, двадцать... да хоть через сто лет? Ведь наши недруги, увы, не дремлют, ни те, что за океаном, ни те, что гораздо ближе. И они все еще весьма сильны! Сильны и богаты, да. Вот я иногда, признаюсь, думал по-стариковски, поскольку с меня и взятки гладки. Всегда можно сослаться на старческий маразм, да. Чем мне еще заниматься перед сном в пустой квартире, не долбовизор же идиотский смотреть? Вот и понял, что нужен нам – как там это молодежь в Интернете называет? Волшебный пендель, вроде? – вот нечто подобное нам и нужно. Так, может, этот ваш потерявшийся во времени игрок и станет этим самым «пенделем»? Ох, ну и словечко, право слово...

– Интересно вы рассуждаете... – помолчав несколько секунд, сообщил полковник. – Нет, серьезно, очень интересно, мне определенно будет о чем подумать на досуге. Но сейчас речь, к моему великому сожалению, пойдет о другом.

– И о чем же? – заинтересовался Мякишев. – Неужели вы еще чего-то достигли?

– Увы, Сергей Николаевич, увы. Скорее наоборот, потеряли. «Объект»... э-э, ну, то есть тот человек, чей разум сейчас в прошлом, нами обнаружен. Более того, с ним был установлен контакт. Сейчас его тело занимает советский танкист из сорок третьего года; впрочем, я уже рассказывал.

– Потрясающе. И что?

– И – все! – неожиданно отрезал фээсбэшник. – Нас переиграли. Его похитили.

– То есть как это, похитили?! – опешил ученый. – Любой фигурант сверхсекретного проекта всегда находился под круглосуточной и более чем плотной опекой, это же азы! Тем более *такой* фигурант! Что за бред?! Как его могли похитить? Кто?

– К сожалению, это не шутка. Именно поэтому я сейчас здесь.

– Не понял?

Логинов тяжело вздохнул:

– Он и находился под охраной, правда, не слишком многочисленной, всего два бойца. Мы ожидали чего угодно, но только не банального силового захвата в духе второсортного американского боевика. наших людей просто расстреляли прямо в автомашине, а его самого похитили.

– Кто?

– Простите, я пока не стану отвечать на этот вопрос. Результаты уже есть, разумеется, но разглашать я их, разумеется, не стану. Работаем.

Помолчав несколько мгновений, физик осторожно спросил:

– Уважаемый Анатолий Анатольевич, все это, конечно, очень интересно и весьма печально, но все-таки повторяю: я-то тут при чем? Полагаю, столь серьезная контора, что вы представляете, прекрасно справится и без меня? Или я еще чего-то не знаю?

– Сергей Николаевич. – Полковник поднялся на ноги. – Сколько времени вам потребуется на сборы? Берите только самое необходимое и не волнуйтесь, за квартирой присмотрят. Весьма серьезно присмотрят. Мы не повторяем прошлых ошибок.

– Что?!

– Вы поедете со мной, – отреагировав на изменившееся выражение лица собеседника, фээсбэшник покачал головой. – И, прошу вас, товарищ Мякишев, давайте обойдемся без никому не нужных споров, хорошо? Это как раз тот случай, когда ваше мнение не имеет равным счетом никакого значения. Не исключено, что те, кто вплотную заинтересовался проектом... точнее, его успехом, постараются захватить всех его участников, как нынешних, так и прошлых. Вас в том числе.

– Я работал не один, – угрюмо буркнул профессор, тем не менее тоже поднимаясь из кресла.

– Разве я сказал, что эвакуируют только вас? – искренне удивился полковник. – Это касается всех, кто имел отношение к проекту раньше и имеет сейчас. Всех, гм, «фигурантов» временно разместят на одной из наших баз в Подмосковье. А мы тем временем разберемся с происходящим.

– Ну, и что с собой брать? – растерянно пробормотал Мякишев. – Честно говоря, даже понятия не имею. Меня как-то ни разу не арестовывали. Да и не эвакуировали...

– Сергей Николаевич, может, хватит язвить? Вы словно начитались либеральной прессы: «арестовывали», скажете тоже. Прямо чувствую себя приспешником кровавой гэбни и готов немедленно и слезно покаяться перед всем истинно демократическим миром! Ладно, шутки в сторону. А по сути вопроса? Да, собственно, можете ничего и не брать. Все необходимое вам будет предоставлено. Да, и вот еще что. Сергей Николаевич, вам не надоело сидеть дома?

– Простите?

– Я официально уполномочен предложить вам участие в дальнейшем развитии проекта «Игра». У вас бесценный опыт прошлых исследований в частности, и прекрасное знание предмета в целом. Обо всех новых подробностях узнаете на месте. Вы согласны?

– Я могу отказаться? – по-стариковски прищурившись, осведомился тот.

– Разумеется. Вот только сомневаюсь, что откажетесь. Ведь вам безумно интересно, разве нет? Но эвакуироваться, вне зависимости от принятого решения, все равно придется. Собственно, к работе сможете приступить прямо там, на базе развернута достаточно неплохо оснащенная лаборатория.

– Ну, конечно, мой ответ «да»! Впрочем, вы и не сомневались. Поехали. Сейчас, только оденусь.

Логинов несколько язвительно ухмыльнулся:

– Можете не торопиться, это все же не *арест*. Я подожду...

Главное управление СБУ в Одесской области

– Давай кратко, остальное сам прочитаю. Завтра, – не спавший уже больше суток полковник Геманов устало махнул подчиненному рукой. Несколько раз крепко зажмурился. Покрасневшие глаза пекло огнем, то ли от усталости, то ли от табачного дыма, благо выкурил он за это время никак не меньше пары пачек.

– Хорошо. Сначала по оружию. Собственно, стреляли только из автомата, про пистолеты мы узнали от случайного свидетеля. Оружие он не опознал. А вот автомат, судя по гильзам,

обычный «укорот», но с «ПБС-4», патроны типа «УС», то есть дозвуковые. Все стволы они унесли с собой.

– Гильзы не подбирали? – перебил полковник.

– Никак нет. Сейчас Володя пробивает по маркировкам, все ж таки спецпатроны, хотя сами понимаете. Наверняка потому и использовали еще советское оружие и патроны, чтоб никаких следов. Мало ли что за эти десятилетия со складов бывшего Союза в неизвестном направлении уплыло...

– Без лирики. Дальше?

– Стреляли практически в упор, сразу на поражение, через лобовое стекло. Обоих наповал. По три-четыре попадания, все смертельные, в голову и верхнюю часть груди. Два промаха, один рикошетом от капота, второй в фару. Еще девять пуль прошли сквозняком, застряли в стене позади машины.

– Это все? – Олег Алексеевич потер переносицу.

– Да. Вот только... Не знаю, насколько это важно, но у нашего фигуранта был с собой пневматический пистолет, из которого он не сделал ни одного выстрела. Обнаружен на земле рядом с автомашиной.

– Неважно, полагаю. Что еще?

– Это все, товарищ полковник. Больше пока никаких зацепок. Площадка там асфальтированная, следов обуви не осталось. Крови, окурков, плевков – тоже нет, ребята все по сантиметру осмотрели. Похоже, долго нападавшие не ждали, подошли непосредственно к моменту появления наших объектов. Наверняка имелся наблюдатель.

– По их машине что?

– Метрах в двадцати ждал фургон, марку выясняем. Плохо, что камер наблюдения не было, машину определили по описаниям свидетелей, продавщицы и покупателя ночного магазинчика. Захваченных людей они не видели, вход в микроавтобус находился с противоположной от магазина стороны, по правому борту. Разглядели только того, кто сел на водительское сиденье. В темноте и на таком расстоянии лица, естественно, не рассмотрели, так что тут тоже тупик.

– Все?

– К сожалению, пока да.

– Ладно, Коля, работайте по патронам, фургону и свидетелям, вдруг повезет. Мало ли какая бабушка у окошка сидела, от бессонницы мучаясь. А я вздремну в кабинете до утра. Устал.

– Конечно, тарщ полковник. Отдыхайте. Разрешите идти?

– Иди... хотя нет, постой. Давай-ка прямо сейчас передай все, что нарыли на данный момент, в Москву, полковнику Логинову. Ну, ты в курсе. По моему каналу. Пусть подключаются со своей стороны, не исключено, что эти ребятки и не местные вовсе. Всё, я спать. Разбудишь в семь ноль-ноль. Иди, майор. Спать хочу – мама не горюй...

Дождавшись, пока подчиненный покинет кабинет, полковник коротко выматерился, прикурив очередную – хорошо б, если последнюю на сегодня, – сигарету.

Вот это он попал на старости лет! Пять лет до пенсии, м-мать! А ведь говорил дурню, предупреждал, чтобы не шлялся без нужды по улицам, чтоб дома сидел! Да и девка хороша, купаться ей, видите ли, захотелось! Русалка, блин, черноморская! Похоже, с ней он тоже лопухнулся, нужно было загодя небольшую беседу провести, благо возможность как раз имелась. Но ведь хотел как лучше, а получилось, как всегда... Да и полученная из центра «цидулька» была именно такой: до последней возможности в ситуацию не лезть, ненавязчиво присматривать, при необходимости – мягко корректировать. А оно вон как вышло...

Проверить, что ли, еще раз тех сексуально озабоченных интернет-деятели, которых столь эффектно отмутил в парке Краснов? А смысл? Оба сейчас в больничке, под плотным

наблюдением, ребята пробивают все их контакты и окружение, в том числе сетевые. Смежников из МВД в подробности не посвящали, разумеется, им и подброшенного героина вкуче с холодным оружием хватило. Бред, конечно, на девяносто девять процентов из ста они тут вовсе ни при чем, но чего не сделаешь от безысходности? – Полковник черкнул в ежедневнике пару строк и взглянул на телефонный аппарат.

Да, обидно, что все так вышло. Ладно, чего уж теперь. Взглянул на часы – полпервого. В Москве, соответственно, на час больше. Позвонить Толичу? Нет, пожалуй, завтра поговорят. Все, спать...

Аккуратно затушив в пепельнице окурок, полковник, на ходу расстегивая рубашку, двинулся в сторону крохотной комнаты отдыха, где его ждал старенький, доставшийся еще от прошлого хозяина рабочего кабинета диван и недолгий отдых.

Более чем недолгий. Но он этого пока что еще не знал...

Глава 2

Дмитрий Захаров, 1943 год

Танк, ненавистная «четверка» новейшей модификации, неторопливо вполз в поле прицела. Уже достаточно рассвело, чтобы Захаров мог рассмотреть даже забитые землей траки с отполированными грунтозацепами и тактический значок на лобовой броне, ни о чем ему, впрочем, не говорящий. Но вроде бы не эсэсовцы, обычный вермахт, что уже неплохо. Не хватало только столкнуться с какими-нибудь гренадерами вроде тех, что, на беду, встретились вчера гвоздевским разведчиком... ну, и ему самому, собственно. Чем все закончилось – известно... Хотя вряд ли, те как раз наоборот, к своим отходили.

Неожиданно панцер остановился, осторожно поводя башней; увенчанный грибом двухкамерного пламегасителя ствол искал цель. Значит, немецкий командир все-таки чего-то опасается. Что ж, его проблемы, у Дмитрия и своих хватает. Например, решить, куда именно вклеить болванку – в лоб? В башню? Или попытаться раздолбать ходовую – попасть будет непросто, да и для вражеского танка не смертельно, зато гарантирует полную неподвижность, а объехать замершую на месте машину окажется вовсе не просто, дорога достаточно узкая. Нет, не такой уж он снайпер, чтобы с первого выстрела выбить фрицу ведущую «звездочку» и раскатать гусеницу. Рискнем, пожалуй, долбануть в лоб – жаль, не помнит толщину брони этой модели. Все, хватит тормозить, немецкий наводчик тоже не лох, вот-вот заметит укрытую в кущах зарослях «тридцатьчетверку». Фрицы и так ему подарок сделали, остановившись.

Подведя прицельную марку под срез башни и опустив еще чуть ниже, десантник мягко выжал изгвазданным глиной сапогом педаль спуска: БА-БАХ! Танк качнулся, откат швырнул казенник назад, на пол боевого отделения полетела стреляная гильза. Замерев, Дмитрий следил за светлячком донного трассера: три, два, один... Короткий высверк чуть левее смотрового прибора немецкого механика, сноп кажущихся фиолетовыми искр. И – ничего. Сбоку лязгнуло, запирая в камере очередной унитар, оружейный затвор: заряжающий Серега оказался достаточно опытным, вначале перезарядился и лишь затем, негромко матерясь, выбросил наружу воняющую кордитом горячую гильзу. Так, слегка сместить марку, наводя орудие в основание башни, и...

Дернувшись, Pz IV резко сдал назад: куда бы (и с какими последствиями) ни влупила болванка, немецкий механик-водитель определенно уцелел. И управлял танком. Коротко выругавшись, десантник подкорректировал прицел и снова выстрелил, на сей раз угодив в основание только начавшей разворачиваться в их сторону башни: БЛЯМС!

Конечно, сквозь шлемофон, броню и рокот работающего на холостых оборотах дизеля Дмитрий просто физически не мог расслышать звука врезавшейся в немецкий танк болванки. Но подсознание, ободряюще подмигнув, интерпретировало четко различимый в прицел сноп искр именно в этот звук. Пробитие, да чтоб он от поноса сдох, пробитие!

Танк еще пятился назад, с траков еще падали пласты глины и спрессованной травы, но уже как-то *неуверенно*, понемногу забирая в сторону, словно мехводу вдруг наскучило держать рычаги прямо. Рывок, еще один – и бронемашина окончательно заглохла, подмяв кормой густые придорожные заросли. Распахнулся башенный люк, и на броню, торопливо оглядевшись, выбралась фигурка в темном комбинезоне. Наклонившись над люком, танкист протянул руки вниз, видимо, собираясь помочь выбраться кому-то из товарищей, и в эту секунду оттуда вдруг выметнулся вертикальный столб огня, тут же превратившийся в темно-серый султан

дыма. Отброшенный ударной волной панцерман рухнул вниз, замерев возле гусениц – мертвый, в дымящемся, но не успевшем загореться комбинезоне.

Сморгнув, Дмитрий неожиданно вспомнил, что уже видел нечто подобное – в своем времени, когда от нечего делать просматривал в Интернете ролики войны в Сирии две тысячи тринадцатого года на «ю-тьюб». Там было практически в точности так же: после попадания в сирийский «Т-72» противотанковой гранаты из люков выметнулось пламя от сгоревших зарядов к выстрелам раздельного заряжания. Здесь же вышло иначе, но весьма похоже – видимо, рванул не весь боекомплект, а лишь несколько заполненных синтетическим порохом гильз от унитаров из башенной укладки. А вот сами снаряды отчего-то не сдетонировали. Впрочем, как бы оно ни было, идущая первой в колонне «четверка» из боя вышла, причем навсегда. И вместе с экипажем, после такого фейерверка выживших не остается.

Всё, первый есть... а вот дороги назад больше нет. Теперь фрицы знают, что их тут ждут. И отнесутся соответствующим образом, благо и выучка, и боевая слаженность у них, несмотря на третий год войны, все еще что надо. И потому здорово, что есть кому прикрыть танки! Спасибо мамлею Лехе Алехину, что пришел и что бойцов с собой привел. И капитану-рембатовцу тоже спасибо, жаль, так и не узнал его имени. Да и вряд ли уже узнает – шансов уцелеть в этом бою, если уж начистоту, немного.

Ага, вон и фрицевское пехотное прикрытие, хоронятся под кустами, остороженько обползая дымящуюся «четверку»: если б не танковый прицел, хрен бы углядел. Эх, жаль, сигнал лейтенанту не подашь, прошляпят, ведь, как пить дать, прошляпят. Это он со своего «насе-ста» фрицев засек, а снизу куда как хуже видно. Долбануть, что ли, из спаренного с пушкой ДТ, ведь впереди, возле курсового, никого нет? Или сразу осколочной гранатой?

– Ду-ду-ду-ду-дух! – грохот пулеметных выстрелов доносился сквозь полураскрытые башенные люки. Смотри-ка, не прошляпили, заметили, ай, молодцы! Два «дегтяря» – не пуль-рота, конечно, но в их положении тоже весьма ничего. Плюс бойцы с винтовками, плюс автоматчики... хоть и далековато для ППШ, конечно. А он им сейчас поможет.

– Серега, давай «два»! И сразу же следующий пихай, – заряжающий послушно воткнул в казенник унитар с осколочно-фугасной гранатой, и склонился над укладкой, вытягивая новый выстрел. Ну-с, получите подарочек, твари. Как говорится, от нашего ствола – вашему столу...

Пушка бахнула, лишая танк последней маскировки, чудом уцелевшей после первых залпов. И мгновением спустя справа от подбитого немецкого панцера развернулся роскошный огненно-дымный куст. Вспух, расшвыривая вокруг комья земли, ветки и клочья разорванных тел, и опал, растекаясь по земле пыльным шлейфом. Неплохое попадание. Ну, и еще разок, для закрепления результата, так сказать – пока заряжающий возился с орудием, Захаров повернул башню, уложив вторую гранату по другую сторону дороги. БА-БАХ! Взметнувшийся султан взрыва достиг высшей точки и словно подломился, обрушиваясь вниз мутным пыльно-дымным потоком. Или водопадом. Хотя какой уж, на хрен, водопад: откуда вода в иссушенной тротиловым жаром и измельченной ударной волной почве? Но – похоже. Вот так. А нехрен ползать по нашим кустам! Не по вашу душу их тут мать-природа высаживала!

Как уже не раз бывало, Дмитрий внезапно ощутил прилив какой-то не объяснимой словами радости, того самого хрестоматийного боевого азарта. И это пьянящее и пугающее одновременно чувство захлестывало адреналиновым штормом все его естество до самого доньшка. Помрет сейчас, полыхнув вместе с танком? Да наплевать! Сколько раз он в своей жизни уже подышал, и там, в Афгане в конце восьмидесятых, и здесь, в сорок третьем? А если учитывать еще и прошлое его виртуала, Васьки Краснова, то и в сорок первом, и в сорок втором. Так что не в первый раз умирать! Пока ему везет, а дальше? А существует ли оно, это самое «дальше»? Вовсе не факт, между прочим. Есть только «здесь» и «сейчас», остальное неважно. «Здесь» – это в огненном сорок третьем, «сейчас» – в воняющем кордитом и соляжкой боевом отделении «тридцатьчетверки». Причем оба этих определения можно и поменять местами, поскольку,

как в том полузабытом школьном правиле о перемене мест слагаемых, результат все равно не изменится. И так же будет кисло и удушливо вонять сгоревшим порохом; а за сорока пятью миллиметрами наклонной гомогенной брони так же будет разгораться весеннее утро одного из дней третьего года самой страшной в человеческой истории войны. Или... нет? И те, кому предсказано судьбой сгореть в танке или быть разорванными в клочья прямым попаданием в неглубоком, на большее просто не хватило времени, окопчике, выживут, и рванут вперед, на Берлин? И кажущееся неизменным правило ошибается? Все можно изменить? От перемены мест слагаемых сумма... изменится? И будущее тоже изменится? Да и плевать! Пусть себе меняется. Ибо он мужик – и ему решать, что менять, а что нет.

Ох, вот и снова на него накатило! Сильно накатило, аж скулы сводит и хочется с размаху долбануть лбом об резиновый налобник прицела – или вдруг выскочить из танка и бежать в сторону наступающих фрицев, чтобы зубами их, сук, рвать. Нет, зачем зубами, там, «за речкой», его учили множеству других способов лишать жизни себе подобных. Поскольку человек слаб и в схватке побеждает более обученный. А учили их хорошо. В ненавидимом нынешними либерастами «Совке» всегда и всех хорошо учили. И менять местами слагаемые, и убивать врага голыми руками... А вообще – в Афгане, пожалуй, все-таки было куда проще! И подобных мыслей у него там не возникало, даже когда тот дух, что первым до линии окопов добрался, с нескольких метров в упор целился...

Кстати, ну а где ж вторая «тридцатьчетверочка»? Чего молчат, мать их... впрочем, вот уже и не молчат: в граненую башню подбитого танка звонко вклепилась еще одна осколочная граната, оставив на броне выщерблину и осыпав осколками уцелевших после первого взрыва пехотинцев. Ну и хорошо, им меньше работы. Вот только интересно, они со своей позиции видят тот танк, что рискнул-таки впереться на придорожный склон и сейчас, нещадно подминая кусты и молодые деревца, пытается обогнуть подбитого товарища? А то ведь Дмитрий, хоть его и видит, стрелять не может: и угол не тот, все одно в рикошет уйдет, и дымящийся панцер закрывает, только верх башни и видно.

Ага, видит – вслед за приглушенным броней и танкошлемом звуком выстрела над вражеским танком взметнулся невысокий клуб дыма. Ого, прямо с первого раза накрыли?! Неслабо... хотя, скорее всего, просто повезло. Он, тварь, им борт на пару секунд подставил, вот ребята и не лоханулись, вклепили фрицу подарочек с пробитием. Итого – минус два. Но самое главное – напрочь перекрытая дорога, поскольку второй склон излишне крут для бронетехники. Единственный выход для противника теперь – если он, конечно, по-прежнему собирается штурмовать лагерь, – переть, ломая деревья, в обход второго подбитого танка. Или расчищать дорогу, отгаскивая подбитую «четверку» в тыл, что просто верх идиотизма: только время зря потеряют. Да и кто ж им позволит? Пусть только сунутся, сразу осколочный подарочек и получают. Так, а что б он сам сделал на их месте? Наверное, попытался вручную выкатить на прямую наводку одно из ПТО – наверняка ж имеют в запасе хоть пару пушек? – и расхерачить преградивший дорогу заслон. Например, во-он туда, где более-менее ровное место надежно скрыто густыми зарослями. Оттуда до них метров семьсот-восемьсот по прямой, если шаранут из Рак-40, шансов у них практически не останется. Если память не изменяет, гарантированную защиту от «сороковой» имел только «ИС-2», до появления которого на фронте еще целый год. Пушка, конечно, не легенькая, почти полторы тонны в боевом положении, но если сильно захотят, так выкатят, пупок не развяжется. Значит, нужно держать кусты под присмотром и, ежели припечет, успеть вклепить туда осколочно-фугасный...

По броне звонко затарахтели пули: нащупавший танк немецкий пулеметчик лупил на расплав ствола и не жалея патронов, видимо, надеясь разбить смотровые приборы. В ответ заполошно ударили пулеметы Алехина (аж оба «дегтярева»), часто забухали винтовки. Ах, даже так?

– Серега, «два» в ствол. И следом еще один.

Не дожидаясь заряжающего, Захаров приник к прицелу, наводя пушку на судорожно пульсирующий на срезе ствола немецкого пулемета огонек. Ну, как говорится, кто не спрятался – тому и звиздец. Орудие рывкнуло, и мгновением спустя выплевывающий пули огненный цветок скрылся в короткой вспышке разрыва. Попал. Обостренное боем сознание успело заметить отброшенное близким попаданием темное нечто, секундой назад бывшее немецким пулеметчиком. Сбоку сыто чавкнул затвор, запирая в казеннике новый выстрел. Влепить еще разок? Нет, пожалуй, не фиг унитары разбазаривать.

А вот если взять чуток выше... определенно ведомый неким шестым чувством Дмитрий, приподняв ствол, выстрелил еще раз. Позади подбитого панцера коротко сверкнуло и неожиданно мощно взорвалось, выбрасывая вверх и в стороны целые простыни живого всеочищающего пламени. Ого, это куда ж он попал? В грузовик с боеприпасами, что ли? Или в какой-нибудь заправщик? Да и какая разница, главное, снаряд зря не пропал.

Встретившись с вопросительным взглядом заряжающего, Захаров, секунду подумав, снова скомандовал «два». Если он правильно оценивает обстановку, танки им пока не грозят. Скорее уж, авиация, если фрицы вызовут поддержку с воздуха. Но время пока есть.

– От с-суки, – раздался в наушниках голос мехвода. – Гляди, командир, в атаку поперли! Как-то не похоже на фрицев. Совсем страх, что ль, потеряли? – Иван закричал, перебираясь на место стрелка-радиста. – Ну, щас я вас, твари, шугану, подмогну ребятам...

Сообразив, что к чему, Захаров рывкнул:

– Сдурел?! А ну, за рычаги! Нас есть кому прикрыть, а вот когда придется отсюда когти рвать, кто управлять станет? Я? Или Серега?

– Так я это...

– Разговорчики! – припомнив Афган, коротко бросил десантник, постаравшись максимально точно воспроизвести интонации легендарного прапорщика «спать не придется». – На место лезь!

И, посчитав инцидент исчерпанным, приник к панораме. Ага, вон оно как: немцы, понимая, что им противостоят всего-то два наспех окопанных русских танка, надежно запершие колонну на опушке, решились-таки на атаку. А незадачливый пулеметчик, ныне уже благополучно отправившийся в Валгаллу, похоже, просто отвлекал внимание. Замысел был понятен: рывком преодолеть открытое пространство и подавить прикрытие, после чего уничтожить доставившие столько хлопот «тридцатьчетверки», благо для того, чтобы сунуть в ходовую связку гранат, много ума не надо. А гарантированно порвать гусеницу смогут и несколько скрепленных вместе «колотушек» – главное, добраться и запихать связку в ходовую. А уж если у них имеется магнитная мина – совсем хорошо... ну, в смысле, плохо и во всех отношениях фатально. Для танков.

Разумеется, цепью немцы в атаку не пошли – не в кино про Чапаева, чай: двигались короткими перебежками, где надо, пригибаясь, где следует – делая короткий бросок и снова пригибаясь или падая на землю. Если доберутся до наших, никому мало не покажется, фрицев раза в два больше.

Лейтенант со смешным именем-фамилией «Леха Алехин» обстановку тоже оценил верно: куцые цепи танкового прикрытия взорвались огнем. Со своего места Дмитрий видел, как бойцы готовят к бою гранаты и примыкают к винтовкам штыки, а наиболее опытные – еще и заранее отцепляют от пояса и кладут под руку пехотные лопатки. А ведь он предупреждал, что главное для них – прикрыть госпиталь. Но кому сейчас важно, о чем он предупреждал?! Да и некому его будет прикрывать, если немцы доберутся до их позиции...

Дмитрий зло скрипнул зубами: вот ведь, никогда даже не думал, что воочию увидит то, о чем столько слышал и читал в далеком будущем! Три десятка бойцов, добрая треть из которых еще даже не выписалась из госпиталя, числясь выздоравливающими и ходячими, а половина остальных ни разу не бывала в реальном сражении, готовы идти в свой последний бой, вруко-

пашную! И ведь наверняка никто из них не думает сейчас о том, что можно отсидеться в тылу с пустяковым ранением или притвориться мертвым – они и *на самом деле* готовы умереть! У них нет собственных блогов и аккаунтов в социальных сетях, модных смартфонов и навороченных ноутбуков и спортивных тачек. Ничего подобного у них нет – да и не нужна им вся эта шелуха. Зато у них имеется кое-что иное, самое главное: отчаянная смелость, оставшиеся за спиной (а у кого и в оккупации) матери, детишки да жены – и священный долг перед Родиной.

И заточенные по всем трем граням пехотные лопатки в руках.

Захаров несколько раз сморгнул, успокаиваясь. Да, пусть ему трудно окончательно, раз и навсегда, въехать в эту реальность, *вжиться* в нее, но сейчас он сделает все, что от него зависит. Эти готовящиеся к своему последнему бою мужики считают, что другого выхода нет? Как бы не так!

– Иван, слушай приказ. Вперед. Атакуем фрицев при поддержке пехоты. Работай гусеницами, я – пулеметом. По команде «короткая» тормозишь, я стреляю. Серега, пихай только «два», выстрел – снаряд, выстрел – снаряд. Давай, Ваня!

Выбросив из патрубков клубы пронизанной искрами недогоревшего топлива солярочной гари, танк, перевалив порядком сглаженный выстрелами бруствер и сминая остатки кустов, рванул вперед. Краем глаза десантник отметил, что второй танк, как и было оговорено, с небольшой задержкой повторил маневр «делай, как я». Жиденькая цепь пехотного прикрытия поднялась следом. Дмитрий увидел бегущего с «ППШ» Алехина, возглавившего атаку. Молодец, лейтенант, настоящий командир! Вот только какого ж ты хера вперед полез? Ведь кроме тебя командовать-то и некому. Впрочем, ладно – чему быть, того не миновать. Поехали...

Дальнейшее запомнилось урывками: даже прошедшему афганскую войну Захарову оказалось трудно полностью адекватно воспринимать действительность. Оставшееся до атакующих немцев расстояние они преодолели за несколько десятков секунд, опередив собственное прикрытие. Пока ехали, Дмитрий пару раз скомандовал «короткую» и выстрелил осколочными, после чего надолго приник к ДТ. Патронов не жалел, прекрасно понимая, что при такой болтанке эффективность от его огня почти что никакая. Стрелял главным образом ради деморализующего эффекта: вряд ли кому понравится несущийся в лоб танк, еще и огрызающийся длинными очередями из спаренного с пушкой пулемета. Особенно, когда оный танк еще и вполне так себе целенаправленно охотится за отдельными пехотинцами, стараясь намотать их на гусеницы! Мехвод не подкачал; со своего места Захаров видел, что нескольких гитлеровцев они таки нагнали. Вот только смотреть после боя – если, конечно, вообще кто выживет – на то, что от них осталось, как-то не тянуло. «За речкой» он всякого повидал и потому особенно желания еще больше расширять копилку собственных острых ощущений как-то не тянуло. Совсем.

Затем танки остановились метрах в трехстах от опушки и открыли беглый огонь гранатами по намертво застопорившейся колонне. Не особенно и прицеливаясь, поскольку наводить было попросту некуда: перспектива окончательно скрылась в дыму и поднятой взрывами осколочно-фугасных снарядов пыли. А позади бронемашин, где остатки немцев схлестнулись с немногочисленным танковым прикрытием, шла рукопашная. И помочь им Захаров ничем не мог: начнешь маневрировать – гарантированно подавишь и тех, и других, а про стрельбу и речи не шло. Оставалось вести беспокоящий огонь, не позволяя фрицам предпринять еще одну атаку или выкатить на прямую наводку ПТО. Выстрелов, правда, оставалось не столь и много: еще минут пять в таком ритме – и все. Аллес, как говорят гибнущие от ударов грамотно заточенных пехотных лопаток доблестные сыны Рейха. Останутся только «черноголовые»², против живой силы абсолютно бесполезные...

² Танкистский сленг времен ВОВ; имеются в виду бронебойные снаряды.

Добив четвертый по счету диск, десантник перезарядился, но стрелять больше не стал: каким бы надежным ни было оружие предков, стволу нужно было хоть немного остыть. Иначе пулемет начнет всерьез плевать пулями, и толку от него будет не больше, чем от травмата-резиноплюя из его времени...

– ...мандир! – связь по ТПК, как водится, оставляла желать лучшего, и механик почти орал. – Чего торчим, как прыщ на жопе?! Не ровен час, пожгут. Чего делать-то?

– Возвращаемся на позицию, – принял решение Дмитрий. – Давай задом, чтоб в корму подарочек не влепили.

И подумал про себя: «Надеюсь, пацаны разберутся, что к чему, и под гусянку не полезут».

Взревев дизелем, «тридцатьчетверка» дернулась и поползла назад. Второй танк повторил маневр, как вдруг из тех самых зарослей, в которые Захаров лично положил две гранаты, протянулась светящаяся ниточка донного трассера, воткнувшаяся в лобовую броню танка Кочеткова.

Несколько мгновений десантник еще надеялся, что немцы смазали, что ушел в рикошет, но секундой спустя «Т-34» густо задымил. И, не успев Дмитрий коротко и зло выругаться в адрес фрицевского наводчика, взорвался. Подпрыгнув на погоне, граненая башня с выбитыми ударной волной люками, и в самом деле в чем-то похожая на гайку, плюхнулась обратно, нелепо своротив в сторону ствол. Всё, вот и у них минус один. Пацанов жаль, но сейчас главное – уцелеть самим и вместе с остатками алексинских бойцов успеть прикрыть госпиталь. Если, конечно, из пехоты хоть кто-то уцелел: обзор из башни никакой, а высовываться из люка десантник не спешил. Не хватало только схлопотать в дурную башку шальную пулю.

– Давай, уходи с директрисы, б..., сожгут нах...! – краем сознания Захаров отметил, что его мехводу данный термин определенно не знаком, но Иван, как ни странно, понял: танк снова дернулся, изменяя направление движения, и набрал скорость, насколько позволяла задняя передача.

Прижавшись к налобнику, Дмитрий пытался нащупать пушку. Нереально, разумеется, при такой-то тряске, но если они успели перезарядиться – а они, ясен пень, успели – то...

– «Короткая», – не слишком надеясь на переговорник, Захаров пихнул механика сапогом. Танк замер, несколько раз качнувшись, и бывший десантник навел марку на подозрительные заросли. Три секунды, две... успокоиться, навестись... только вот пальцы предательски дрожат... огонь! Нога ушла вниз, утопив педаль спуска, и мехвод тут же рванул с места. В кустах вспух подсвеченный коротким внутренним огнем взрыв, ударная волна сорвала с близлежащих деревьев не успевшие еще полностью раскрыться клейкие апрельские листья. Попал или нет – уже неважно. Главное – успеть уйти, оторваться... все, успели...

Укрывшись за приметным бугорком по самый срез башни, танк замер. Правда, тише от этого не стало: дизель Иван не глушил, похоже, окончательно въехал в ситуацию. Что ж, молодец. Если выживет, нужно будет прибрать толкового механа в экипаж. Пятьдесят, если не больше, процентов живучести танка лежит на водителе. Жестокая статистика войны, ага.

Захаров огляделся, с искренней радостью увидев возвращающихся бойцов. Из трех десятков уцелело человек семнадцать, тащивших к рубежу обороны нескольких раненых. Что ж, если отбросить эмоции и рассуждать цинично, не столь и плохо. Нормальный размен для подобного боя, поскольку фрицы полегли практически все. А вот пулеметов, похоже, не осталось вовсе. Нужно будет снять с танка оба «дегтяря», благо запасных дисков еще с десятка осталось.

В броню загрохотали прикладом, и Дмитрий наконец рискнул высунуться из башни. Рядом с танком, устало привалившись к заляпанной глиной надгусеничной полке, стоял лейтенант Алексин. Ух ты, значит, уцелел зар-раза! Вот это сюрприз, определенно приятный. Молодец, лейтеха! И ведь первым на фрица пер!

Лицо Алексея было обильно испачкано уже начавшей подсыхать кровью, не поймешь, то ли своей, то ли чужой, под левым глазом вылезал роскошный фингал, гимнастерка разодрана от ворота и почти до середины груди. Да уж, красавец, что и говорить.

Прогремев подошвами по броне, десантник спрыгнул вниз и порывисто обнял лейтенанта:

– Живой, сукин ты сын?! Вот же, б...!

– Ага, – вяло ответил тот. – Есть такое дело. Тошнит только очень, по голове сильно получил. Прикладом. Хорошо, по касательной, а то там бы и лег. Мы это... – не договорив, Алехин вдруг согнулся в пароксизме рвоты, заодно облевав сапоги Захарова. – Простите, тарш командир. Виноват.

– Ничего, братишка, пройдет. У меня три контузии было, и ничего, живой пока. Людьями управлять сможешь? Нужно отойти на запасную позицию, ну, где рембат стоит. Там и окопаемся. Сколько у тебя бойцов осталось, лейтенант?

– Шестнадцать, – поднял тот мутный взгляд. Сглотнув, продолжил: – И пятеро раненых, из них трое тяжелые. Пулеметов нет. Боекомплекта практически тоже.

– Как отойдем в тыл, пришли пару бойцов, пусть снимут пулеметы с танка, я помогу. Патроны – как решишь, можешь часть дисков распотрошить для тех, у кого «мосинки». И это, Леха, – продержись еще с полчаса, ладно? Как назад откатимся, я приму командование, все равно у меня снарядов штук пять осталось. А тебе в госпиталь нужно.

– Не, никуда не пойду, – лейтенант решительно потряс головой, отчего его заметно качнуло в сторону и снова вырвало. Отдышавшись, договорил:

– Я с ребятами останусь...

– Не тебе решать! – отрезал Захаров. – Давай раненых на броню, остальные следом. Все, это приказ. И это... короче, ладно, я только что принял командование. Так что исполняй приказ, лейтенант. Три минуты на сборы, и уходим.

– А...

– Отставить. Выполнять приказ. Иван, – глядя вслед покачивающемуся лейтенанту, при ходьбе опиравшемуся об землю прикладом автомата, Дмитрий обратился к механику-водителю, с интересом прислушивающемуся к диалогу: – Все слышал?

– Так точно, чай, не глухой. Отходим через рембатовцев, прикрываем госпиталь. Тока, как доедем, я сам дэтэшники и снимаю, к чему бойцов напрягать. Так что, уже едем?

– Нет, блин, тетю Клаву ждем! – откуда взялась эта самая «тетя Клава», Дмитрий и понятия не имел. Вроде из какой-то давнишней, чуть ли не девяностых годов, телевизионной рекламы. – Давай отползай, примем на броню трехсот... м-мм... раненых, и едем назад. Вряд ли фрицы нам много времени дадут, так что скоро попрут. Или авиатехподдержку вызовут, а от «лаптежников» нам, сам понимаешь, не укрыться.

– Слышь, командир, а может, мы им так вломили, что они и не...

– Попрут, вот увидишь, жопой чую, – мрачно ответил Захаров. – А она у меня редко ошибается. И вообще, Иван Батькович, разговорчики! Давай, отъезжай, чтобы нас пригорочек полностью укрыл. А то, не ровен час, еще и...

В этот момент утреннее небо разорвал рокот авиационных моторов, и Дмитрий инстинктивно вжал голову в плечи, готовясь к самому худшему. Если немцы вызвали-таки авиацию – всё, сливай воду, как говорилось в его времени. От пикирующей сверху «штуки» на ровном месте не спасешься, как ни насилуй дизель и ни маневрируй, это он и без боевого опыта Краснова прекрасно понимает. Вот только почему они заходят с востока: просто идут «под солнцем», опасаясь наземной ПВО – которой тут, увы, попросту нет – или...

Оказалось как раз «или», и Захаров облегченно выдохнул, неожиданно поймав себя на мысли, что несколько этих долгих секунд, похоже, и вовсе не дышал. Что ж, и на сей раз повезло.

А над головой пронеслись распластанные на небесно-голубых плоскостях с красными звездами «Ильюшины». Гораздо выше были моторами истребители прикрытия, готовясь отогнать немецкие перехватчики, буде они появятся. Вот же как бывает: до усрачки боялся прилета «восемьдесят седьмых»³, а прилетели наши! И с ходу дали фрицам неслабого жару, причем в самом прямом смысле этого слова: зайдя на атаку на высоте в триста-четырееста метров, «горбатые» проштурмовали опушку и ближайшие несколько сотен метров лесной дороги ФАБами и эрэсами, превратив ее в кипящее море огня. Сделав второй заход и окончательно освободившись от смертоносного груза, «Ил-2» прошли напоследок на бреющем, поливая разгромленную колонну и окрестности огнем бортовых пушек и пулеметов.

Захаров впервые видел атаку штурмовиками наземной цели и весьма впечатлился. Конечно, боевая пара «Ми-24» или «грачей» отработала б не хуже, в Афгане наблюдал пару раз, как вертолеты утюжили НАРами горные склоны, а разок даже стал свидетелем атаки звена «Су-25» на непокорный кишлак, из которого, несмотря на многочисленные зачистки, раз за разом приходили моджахеды, но и только что виденная картина более чем впечатляла. Собственно говоря, никакой опушки больше не существовало. Вообще. И доброго полукилометра невидимой отсюда дороги тоже. Только нечто дымно-пыльное, пронизанное огненными всполохами, фонтанирующее рвущимися в пламени боеприпасами и опадающее на землю клочьями жирного пепла и сорванными ударной волной листьями и ветками. Н-да уж, теперь он, пожалуй, и на самом деле понимает, отчего немцы называли этот штурмовик «чумой» или «мясником»!⁴ А вообще, если честно, то им просто неммыслимо повезло, что летуны успели вовремя. На этой войне подобное, увы, не столь уж часто случалось.

Дмитрий проводил взглядом удаляющиеся штурмовики – спасибо, парни, выручили. Теперь уж точно в спину не ударят. Да и командование, коль прислало штурмовики, теперь знает про их непростую ситуацию, следовательно, шансы уцелеть и спасти госпиталь возрастают многократно. Или... или командование и раньше знало о прорыве, дожидаясь, пока немцы начнут покидать лес, где накрыть их оказалось бы не в пример сложнее? Что ж, тоже вполне вероятно. Да и логично, если начистоту. Планировать боевые операции нужно с холодной головой, а не на эмоциях. Впрочем, не ему судить, кто прав, а кто – нет. Он со своим экипажем сделал все возможное. Равно, как и бойцы лейтенанта Алехина...

* * *

– Ну, здоров, танкист! Выжил, значит?

Захаров торопливо обернулся, выбрасывая окурок и вспоминая, откуда ему знаком этот голос. Ох ты ж, да это тот самый смершевец, что допрашивал его в землянке накануне начала немецкого прорыва. Как там бишь его – Луганский вроде? Лейтенант госбезопасности?

– Так точно, товарищ лейтенант государственной... – и осекся, остановленный коротким движением руки особиста.

– Да не тянись ты, Краснов, не тянись. После того, что совершил, ты даже передо мной тянуться особо не обязан. Фрица остановил, а перед этим, помнится, и еще кое-что весьма важное сделал. Знаешь что, лейтенант, а пойдём-ка, пройдемся, поговорим? Так, чтобы без лишних ушей?

– Так точно, – въехав в ситуацию, Дмитрий подбавил в голос неуверенности, – а что...

³ Имеется в виду немецкий пикирующий бомбардировщик «Юнкерс» Ю-87 (Sturzkampfflugzeug, «Stuka»), он же «певун», «лаптежник» или «лапотник».

⁴ На самом деле, у прославленного штурмовика было много прозвищ. Наиболее мрачной репутацией «Ил-2» пользовался у наземных войск, для уничтожения которых и предназначался: «мясник», «мясорубка», «Железный Густав» и, наконец, «Черная Смерть» (нем. Schwarzer Tod, что дословно переводится, как «чума»).

– Да ничего, – пожал плечами тот. – Во-первых, документы тебе вернуть хочу, а во-вторых, пару вопросов задать. Хотя ты, – Захаров не без труда, но все же выдержал тяжелый взгляд Луганского, – и без них, похоже, прекрасно справился. Причем по собственной инициативе.

Дмитрий резко остановился – подводить капитана-рембатовца он не собирался:

– Товарищ лейтенант государственной безопасности, танки под мое командование...

– Успокойся, Краснов, не дергайся. Я прекрасно знаю, как и что было. И весьма сожалею, что опоздал. Признаю, оставить тебя без документов – полностью моя вина. Но кто ж знал, что они именно в эту ночь сунутся? Я ж то думал, смогаюсь в штаб, потом вернусь... ну да, не стану скрывать, и твою личность заодно проверю...

– И как, проверили... заодно? – Дмитрий, едва ли не против своей воли, начинал потихоньку закипать от тихого и располагающего к себе голоса особиста. Только б не сорваться, ведь он, очень похоже, именно на это и надеется. Блин, и ведь ничего, практически, и не изменилось со временем: когда его пару дней мурыжил батальонный «молчи-молчи» после того памятного рейда в кишлак, первого в его афганской жизни, все примерно так и обстояло. И манера говорить, и взгляды, и многозначительная незавершенность фраз...

– Проверил, – неожиданно сухо закончил особист, словно вдруг полностью потеряв интерес к дальнейшему разговору. Протянул потрепанную на сгибах командирскую книжку:

– Держи, Краснов. И не тушуйся, нормально все будет. И орден на грудь прикрутишь, и... вообще, – судя по всему, никаких комментариев более не полагалось: мол, отвертелся – и радуйся, сопи в две дырки. А вот хренушки!

– А...

Особист остановился, с видимым неудовольствием на лице обернувшись:

– Ну что еще, Василий? Вроде ж все решили?

– Товарищ лейтенант государственной безопасности, мне бы в свою часть попасть, а? И танк забрать, ну, тот, на котором сегодня воевал. Он ведь все одно из ремонта, можно ж куда хошь определить? Опять же, ребята в экипаже нормальные, почти уже сработались. Пособите, а?

Поколебавшись несколько секунд, Луганский хмыкнул, неожиданно широко улыбнувшись:

– Ну, хрен с тобой, заслужил. Собственно говоря, раскрою маленький секрет: меня ведь как раз в вашу бригаду и переводят, так что повезло тебе. Танки и опытные экипажи нам скоро очень даже понадобятся. Да, и вот еще что, едва не забыл: про те документы – молчок, надеюсь, сам понимаешь? Забирать тебя из действующей армии глупо, не тот ты человек, чтобы в тылу сидеть, а в мое ведомство наверняка ж не пойдешь? – Дмитрий осторожно кивнул.

– Вот и я об этом. Так что воюй, бей фрица в хвост и в гриву, у тебя, вроде, неплохо получается. Главное, в ближайшее время в плен не попадайся. Живым, – особист криво ухмыльнулся и, не оглядываясь, потопал прочь.

Кстати, интересно, к чему вообще был весь этот разговор? Документы вернул – это да. А в остальном? «Пару вопросов хочу задать» – а ведь, по сути, и не спросил ничего... неужели все-таки в чем-то подозревает? Или просто хотел посмотреть на реакцию? Ну, кто ж виноват, что ему так везет?! И с той колонной, что они позавчера расхерачили, и с документами этими, и сегодня?

Хотя, если учесть важность портфеля оберста с труднопроизносимой фамилией Штейнтенберг (смотри-ка, вспомнил-таки!), он всяко должен стоять «на контроле» у контрразведки. Как минимум, до июля, когда оные документы наверняка потеряют свою ценность. Да, наверное, в этом все и дело. Опять же, не зря Луганский про плен ввернул – «едва не забыл», ага, прям счас он взял, и поверил! О таком не забывают, особенно лейтенанты НКГБ. Да, похоже, именно в этом все и дело...

– Слышь, командир, – голос подошедшего со спины механика-водителя едва не заставил Захарова подпрыгнуть на месте. Блин, нервы реально расшатались.

– Ну? – обернувшись, десантник вперился недовольным взглядом в чумазую физиономию своего мехвода. – Что случилось, Иван?

– Дак это, а чего «особняк»-то от тебя хотел?..

– Ваня, а давай без...

– Извините, тарщ лейтенант. Виноват. Глупость сморозил, бывает. Да и ваше, я по другому вопросу. Думал, сами с Серегой справимся, так он, как увидел, так сразу рыгать за танк побежал. Бледный стал, бурчит, мол, не пойду – и все тут. А одному несподручно, подмогнуть бы надо.

– Так, Иван, ты вообще о чем? – искренне не понял Захаров. – Что за бред? В чем помочь? И почему рыгать?

– Ну, так это, командир... мы, когда фрица-то давили, одного в ходовую и замотало. Ну, и перекутило меж катков-то, мы ж после того еще с полкилометра проехали. Чистый фарш. Теперь нужно ломом выковырять, а то нехорошо как-то, не по-людски. Схороним, что осталось, лопата имеется... А Серега, дурак, как увидел, так только блюет да матерится. Совсем, салага, войны не видал. Так как, командир, подмогнешь?

С трудом протолкнув в горло внезапно возникший вязкий комок, Захаров лишь молча кивнул. Да уж, похоже, сегодня ему все-таки придется расширить недавно помянутую копилку острых ощущений.

Бл-лин...

Глава 3

Василий Краснов, недалекое будущее

– ...Сонька! – бросившийся к девушке танкист бухнулся на колени, рывком поднял совсем легкое, словно внезапно потерявшее вес тело, приваливая к себе. Торопливо ощупал, до одури боясь коснуться пальцами чего-то *липкого*, такого знакомого и страшного. Нашупал, увы: правый бок коротенького сарафана уже успел обильно пропитаться кровью. Зарывав от безысходности, рванул оказавшуюся неожиданно податливой ткань, в скупом свете подвешенной над входом лампы осмотрел рану. Крохотное входное отверстие чуть ниже правой груди уже почти не кровило, а выходного, на спине, он так и не нашупал. Неужели пуля осталась внутри? Плохо, ой, плохо, по собственному боевому опыту знает. Так, что еще, ведь бандит садил из автомата чуть ли не в упор? Но, как ни странно, больше ранений он не нашел, лишь сбитые до крови коленки и локоть, да здоровенная ссадина на щеке: видать, неслабо приложилась, падая с крыльца.

Прижав к себе безвольное тело, несколько секунд просто тупо сидел, раскачиваясь из стороны в сторону и бездумно глядя в никуда, затем взял себя в руки: девчонка пока жива! И выживет ли – зависит только от него самого. Перевязать? Наверное, нет, не стоит терять времени, рана практически не кровит. Нужно выбираться отсюда, и как можно скорей. Вряд ли они далеко от города, а там – и больницы, и полковник Геманов, в конце-то концов. Уж Олег Алексеевич точно поможет. Да, вот кстати...

Осторожно опустив девушку на мощный квадратными цементными плитами двор, Краснов, подобрав выпавший из Сонькиной руки пистолет, двинулся в сторону автомашин. Нужен мобильный.

Пинком перевернул на спину труп первого из бандитов, торопливо обшарил его, однако телефона не нашел. Вот блин, а ведь казалось, будто в этом времени сотовый встречается в кармане даже чаще, чем пачка сигарет. Может, со вторым повезет, с тем, которого он завалил возле багажника? Повезло, в кармане обнаружилась продолговатая коробочка телефона.

А еще бандит оказался живым: несмотря на пробитую в нескольких местах грудь и немаленькую лужу натекшей крови, в темноте кажущуюся абсолютно черной, пытался что-то сказать, кривя в гримасе боли пузырящийся кровавой пеной рот. Не испытывая ровным счетом никаких эмоций – какие, на хер, эмоции, когда в десяти метрах лежит умирающая Соня?! – Краснов забрал мобильный, равнодушно поднял оружие и нажал на спусковой крючок. Пистолет негромко хлопнул, не менее равнодушно выплюнув девятимиллиметровую смерть; стреляная гильза улетела куда-то под днище авто. Вполне нормально, по закону военного времени, разве нет? Разве сейчас этот закон не действует? Еще как действует, ага... Застреленного Сонькой бандита даже и проверять не стал: уж больно четко отпечталось в памяти вспухшее позади его башки зловещее алое облачко. После подобного не выживают, не раз на войне видал.

Вернувшись к девушке – Соня по-прежнему была без сознания, но дышала ровно – набрал знакомый номер. Полковник ответил на третьем гудке, словно на часах и не было половины четвертого утра, и Краснов вкратце обрисовал ситуацию.

Отреагировал Геманов мгновенно:

– Ни в коем случае не отключай телефон и держи его при себе, сейчас отследим твое местоположение, – в динамике было слышно, как полковник, матерясь под нос, куда-то звонит и отдает короткие распоряжения. – Девушка серьезно ранена?

– Не знаю, но, похоже, да. Пуля вошла справа, ниже сис... э-э... груди, выходного отверстия не нашел.

– Я понял. Лейтенант, ты меня четко слышишь?

– Так точно, – никогда еще Василий так не радовался возможности отвечать по-уставному, без лишних, никому не нужных слов и подробностей.

– Хорошо. Тогда запоминай: оставаться там крайне опасно. Мы выезжаем немедленно, но доберемся до места не раньше чем через час. Это долго, Василий. Вас могут попытаться перехватить как дружки этого твоего Карася, так и заказчики похищения. Вторые – куда как опаснее. Ты машину сможешь вести?

– Постара... так точно, смогу. Наверное.

– Тогда грузи девушку и уезжай оттуда. Прямо сейчас! Только телефон не отключай, хорошо? Если случайно сбросишь вызов, набери меня еще раз. Действуй, танкист!

– Есть! – Краснов запихнул телефон в карман и, подняв девушку на руки, аккуратно уложил на широкое заднее сиденье. Сбегав в дом, закинул в багажник карасевскую сумку и чемодан, захлопнув пробитую пулями крышку. Оружие собирать не стал, ограничившись пистолетом, в обойме которого еще должны были оставаться патроны – не на фронте, чай! Усевшись за руль, захлопнул дверцу, закрывшуюся на удивление мягко, почти бесшумно, и сосредоточился, пытаясь воспользоваться памятью Захарова. И, выругавшись, яростно ударил ладонями по обтянутой каким-то мягким материалом шоферской баранке: память десантника, столько раз выручавшая его сегодня, на сей раз упрямо молчала.

– Ключ зажигания, – раздался с заднего сиденья слабый голос пришедшей в себя девушки. – Справа под рулем должен быть. Поверни...

– Сонечка! Милая...

– Делай, что говорю. Дальше сам вспомнишь. Только ворота сначала открой...

Матеря себя последними словами – кретин, сам должен был догадаться! – Краснов выскочил из машины и распахнул массивные створки. Уселся обратно, повернув воткнутый в гнездо под рулем ключ, один из нескольких, насаженных на серебристое кольцо с каким-то непонятным пластмассовым брелком с парой разноцветных кнопок. Под капотом немедленно зарычал мощный мотор.

– Теперь езжай, Вась. Ты все вспомнишь, ты обязательно справишься. Давай, любимый, долго я не продержусь, очень больно, внутри все горит. Давай, Вася, с Богом...

Мысленно застонав, танкист собрался было снова долбануть по ни в чем не повинному рулю... и неожиданно *понял*, что следует делать дальше. Или, скорее, не понял, а вспомнил. Ведь все так просто – две педали, газ и тормоз. И ручка переключения скоростей... а, нет, в трофейной машине стояла автоматическая коробка передач, потому и педалей две, а не три. Так, сейчас разберемся...

Несколько раз судорожно дернувшись, машина выкатилась за ворота.

– Молодец, Вась. Я пока посплю немного, хорошо? – прошелестел сзади едва слышимый голос. – Ты, главное, езжай. Не бойся, мне уже почти совсем и не больно. Только спать очень хочется...

Автомобиль, снова дернувшись, застыл на дороге, куда Василий ухитрился вырулить со двора, даже не оцарапав лакированных бортов:

– Сонька, Сонечка, не надо! Не нужно, милая! Говори со мной, говори, слышишь?

– Хорошо... я буду говорить... сколько смогу... ты, главное, езжай... и это, Вась, фары-то включи...

Автомобиль несся по пустому в предутренний час шоссе. Впрочем, «несся» – это так, исключительно с точки зрения новоиспеченного водителя: выжимать больше восьмидесяти километров в час привыкший к совсем иным скоростям танкист просто не решался. Он и так-

то старался особенно не глядеть в боковое окно – от мельтешения за стеклом начинала кружиться голова и к горлу подкатывал неприятный, вязкий и тошнотный комок. Соня то ли спала, то ли снова потеряла сознание: когда девушка вдруг замолчала, он остановил машину, выскочил наружу и, распахнув заднюю дверцу, бросился проверять, что с ней. Хоть растормошить ее и не удалось, но дышала Соня ровно, и пульс, пусть и слабый, прощупывался отчетливо. В конце концов Василий решил, что так, возможно, будет даже и лучше. Болевой шок, потеря крови и тяжелейший психологический стресс – жуткий коктейль, бороться с последствиями которого лучше во сне. Лишь бы сердце выдержало. Главное, поскорее добраться до своих... ну, в смысле, встретиться с полковником. Ох, быстрее бы!..

Словно отозвавшись на мысленный позыв, лежащий на правом сиденье мобильный, отключенный еще полчаса назад (у прежнего хозяина телефона попросту закончились на счету деньги, а перезванивать Геманов не стал, видимо, уже не было необходимости) запиликал очередную незнакомую Василию мелодию. Не отрывая взгляда от ветрового стекла – ну, реально ж страшно с такой безумной скоростью-то нестись! – танкист нащупал аппарат и, на миг скосив взгляд, чтоб не перепутать кнопки, принял звонок.

– Лейтенант, мы уже рядом. Через пару минут будет развилка, там пост ГАИ, такая двухэтажная стеклянная будка с буквами сверху, не ошибешься. Увидишь – сразу тормози, но близко не подъезжай, остановишься, где гаишник укажет. Как девушка?

– Жива, – сухо ответил Краснов, бросив взгляд на заднее сиденье. – Нужны врачи. Срочно.

– Все готово, – не менее сухо ответил полковник. – Не психуй. Держи себя в руках, танкист.

– Хорошо, – не сбрасывая вызова, Василий положил телефон обратно на сиденье, высматривая впереди обещанную двухэтажную будку. Ага, вот и она, над крышей горят здоровенные неоновые буквы «ГАИ». Вот только на достаточно широкой развилке, где сходились (или расходились, смотря с какой точки зрения смотреть) три ведущих к районным центрам шоссе, не было ни единой машины, кроме припаркованного под этой самой будкой бело-синего милицейского автомобиля с потушенной мигалкой.

Стоящий у края дороги милиционер лениво отмахнул светящимся полосатым жезлом: тормози, мол. Еще не до конца понимая, что происходит, Краснов послушно сбросил скорость, припарковывая автомобиль у обочины. Согласно памяти Захарова, именно так и положено реагировать на команду регулировщика. Кстати, там, в его времени, регулировщики тоже имелись. Правда, в основном женского полу и без подобных жезлов в руках, зато с двухцветными флажками. Один означал «вперед», второй – «стоп, пропусти колонну».

Ну, и где полковник с обещанными врачами и подмогой?! Ни машин, ни людей, только этот одинокий милиционер, равнодушно помахивающий своей черно-белой палкой. Что вообще происходит?

Шумоизоляция в трофейном авто была просто изумительная, Василий уже успел это оценить, пока ехал. Однако даже она не сумела полностью приглушить визг стираемых об асфальт шин: на пятачок перед ярко освещенной будкой автоинспекторов вырвались сразу два громоздких черных внедорожника – термин пришел в голову мамля, словно сам собой: снова проявила себя память Дмитрия. Огромные, словно броневые автомобили, сверкающие лакированными черными боками, с широкими колесами, свирепо рычащие мощными моторами... не авто, а сущие боевые машины, только пулеметов над крышей не хватает. И как это понимать?

Понимать, в принципе, ему и не пришлось, уж больно быстро завертелись последующие события. Сначала вяло отмахивающий светящимся жезлом милиционер вдруг резво рванул в сторону толстого бетонного отбойника: такой не то, что из пулемета – из танковой пушки не враз прошибешь! Затем из распахнувшихся дверей джипов посыпались затянутые в черное фигурки: один, пять, восемь...

«Наши!» – радостно решил было Краснов, в следующий же миг уловив в происходящем некое несоответствие. Если это те, кого он ждет, то отчего они все с оружием, словно собираются штурмовать его авто? И где медики; где, в конце концов, сам полковник?

В это мгновение на крыше гаишного поста вдруг вспыхнули яркие прожектора, заливая пространство мертвенно-белым светом мощных галогеновых ламп. Свирепо рыча дизелем, из-за правого откоса выбрался, с натугой перевалив крутой гребень и качнувшись на амортизаторах всеми своими четырнадцатью тоннами, доселе незаметный с дороги бронетранспортер. Взаправдашний армейский, восьмиколесный, камуфлированный, с приплюснутой круглой башенкой, откуда торчал ствол крупнокалиберного пулемета. Бронемашину Василий узнал сразу – «БТР-80», разумеется! Это еще что такое?!

Выехав на обочину и остановившись, бэтээр повернул башню и неожиданно дал длинную очередь, отнюдь не предупредительную, огненным жгутом хлестнувшую по обоим внедорожникам. Даже сквозь запыленное лобовое стекло Василий видел, как вылетают вынесенные тяжелыми четырнадцатимиллиметровыми пулями стекла и покрывается рваными пробоинами лакированный металл кузовов. Когда крупнокалиберная пуля весом почти в семьдесят грамм попала в колесо, внедорожник смешно подпрыгивал на месте, тут же оседая на раненый бок. Черные фигурки вмиг плюхнулись на асфальт: по крайней мере, те, кто успел вовремя среагировать – нескольких отшвырнуло в сторону в состоянии, абсолютно несовместимом с жизнью.

«Ну, еще бы, – неожиданно злорадно подумал парень. – У нас подобные патроны только в противотанковых ружьях и использовались, танки жгли, а тут по жестянкам садят, да по людям...»

А со всех сторон уже бежали затянутые в камуфляж бойцы в незнакомых глубоких шлемах с прозрачными щитками-забралами, бронежилетах и с оружием. Пассажиров расстрелянных джипов без особых церемоний швыряли лицом вниз, утыкая в затылки стволы автоматов. Разоружали, отбрасывая оружие в сторону, торопливо обшаривали, выворачивая кармашки «разгрузок» и выдергивая из брюк ремни. С теми, кто пытался оказать хоть малейшее сопротивление, и вовсе не цацкались, в лучшем случае со всей дури угощая ударом приклада между лопаток, в худшем... Василий расслышал четыре выстрела и вовсе не был уверен, что стреляли в воздух. Наконец командовавший бойцами офицер вышел на дорогу и пару раз крутанул над головой раскрытой ладонью. Откуда-то из-за поста ГАИ вывернулось сразу несколько легковых автомашин и яркая, бело-красная карета «Скорой помощи». Ну, наконец-то!

Облегченно выдохнув, танкист распахнул дверцу, выбираясь из комфортного салона навстречу торопливо вышагивавшему по асфальту Геманову. Попытался встать для доклада по стойке «смирно»:

– Товарищ полковник...

– Отставить, все потом, – Олег Алексеевич кивнул вытаскивающим из фургона носилки медикам:

– Да быстрее же, забирайте ее!

И лишь затем повернулся к танкисту:

– Василий, а давай, я тебе потом все объясню? Не время сейчас, да и не место. Ты ж воевал, значит, должен понять: иначе было нельзя. Мы одновременно и вас, и этих уродов вели. Вот и решили совместить, так сказать, приятное с полезным. Понимаешь?

– Понимаю, – угрюмо буркнул танкист. – На живца, типа, ловили? А если б нас того...

– Ну, почти, – Геманов спокойно выдержал его взгляд. – Прости, лейтенант, но извиняться я не намерен. Ни сейчас, ни когда-либо в будущем. И виноватым себя ни в коей мере не чувствую. Хотя бы потому, что твердо знаю: все было под контролем, и вам с Соней ничего не угрожало. Помнишь того гайца... ну, регулировщика, – пояснил он, уловив на лице мамлея гримасу откровенного непонимания, – что вас затормозил?

– Который за каменюку спрятался? – фыркнул Краснов.

– Ага. Вот только за той, как ты выразился, «каменюкой» у него целый арсенал имелся, пулемет с лентой на двести пятьдесят патронов, да пара противотанковых гранатометов. И если б вы оказались в опасности, он бы прикрыл, пусть и ценой своей жизни. Неужели думаешь, что это и на самом деле был сотрудник автоинспекции? Нет, конечно, мой боец, только переодетый. Ну, а в целом? Что такое государственные интересы, ты, надеюсь, еще не забыл? То-то же...

– Извините, – стушевался танкист.

– Да ладно, брось, разве я не понимаю? Нервы у всех не железные, что у тебя, что у меня. Полагаешь, просто было организовать подобную операцию меньше чем за час? А ведь с твоего первого звонка немногим больше времени прошло. Спецназ-то родной по тревоге поднять – это одно, а вот тот же бронетранспортер организовать – совсем даже другое. Но получилось, сам видишь. Вроде бы даже неплохо вышло.

– Так эти... – запоздало догадался Краснов, мимоходом успев еще раз устыдиться собственному поведению.

– Ну, да, это как раз и есть группа захвата нанимателей этого твоего Карася. Точнее, *была*. Подозреваю, они прекрасно знали о том, куда ты едешь и на чем – как, впрочем, и обо мне. Мобильный определенно стоял на прослушке, вот они и попытались перехватить вас, прежде чем это сделаем мы. А может, и не только в телефоне дело, дом мог быть под наблюдением, или внутри остался кто-то, кто работал не только на Карася, – ты ж весь особняк, полагаю, не осматривал? Главное в том, что и моя, и их операция планировались в жуткой спешке, потому никакой гарантии успеха не было и быть не могло. Просто за мной, как ни крути, стоит государственная машина, а за ними... очень надеюсь, что вскорости я как раз и узнаю, кто стоит за ними. Так что, товарищ младший лейтенант, садись в мой автомобиль, и погнали в город. У меня дел не то, что невпроворот, а выше крыши. А тебе стоит выспаться. За девушку не волнуйся, теперь она в надежных руках, операционная готова, бригада хирургов и реанимационная тоже, сейчас мигом до города домчим, а уж там – как бог на душу положит. Но я отчего-то уверен, что все будет хорошо. Верить мне?

– Как будто есть выбор, – буркнул Василий. – А можно мне с ней?

– Лейтенант, – голос Геманова закаменел. – Ты хирург? Или реаниматолог? И чем ты поможешь? Будешь ходить по коридору больницы и смолить одну за другой сигареты? Так в больницах ныне курить вовсе запрещено. Сказал же: девушка в надежных руках. А ты нужен мне. Сейчас важна любая мелочь, любой пустяк, который ты заметил, но не придавал должного значения. К дому этого бандюка уже выехала оперативная группа, ребята знают, что делать. А мне важно то, что заметил ты. Ясно? Тогда бегом в машину, уезжаем отсюда.

– Так я там это, пострелял немного...

– Не проблема, сказал же, группа выехала. Приберут, если что. Мало ли, какие у бандитов разногласия случаются. Не поделили чего, да и схватились за стволы. Неважно, короче. Это уж точно не твоя проблема.

Вспомнив кое о чем, танкист кивнул в сторону брошенного автомобиля:

– Там, в багажнике, какой-то чемодан и сумка, Карась их с собой тащил, когда из дома драпал. Ну, я и прихватил, вдруг что ценное.

– Ого, а ты, смотрю, парень хваткий. Еще и трофеи приволок. – Геманов отдал одному из своих людей короткое распоряжение. – Молодец. Ступай в тачку.

Коротко кивнув, Краснов поплелся в сторону полковничьей автомашины, успев заметить, как фургон «Скорой помощи», врубив мигалку и сирену, рванул в сторону города. Плюхнулся рядом с водителем, место которого занял сам полковник. На заднем сиденье устроились двое молчаливых парней в полной боевой: камуфляж, каски, бронежилеты, забитые боекомплектами разгрузки и автоматы в руках.

Взревев мотором, явно не штатным, машина выехала на шоссе и поперла к городу со скоростью никак не меньше ста двадцати км/ч – судорожно сглотнув, Василий торопливо уста-

вился в лобовое стекло. Не хватало только, чтобы полковник заметил, что он боится быстрой езды!

– Товарищ полковник, я...

– Не сейчас, – отрезал Геманов, мазнув по лицу танкиста цепким взглядом. – Когда прибудем на место, тогда и доложишь. Пока одно могу сказать: ты все правильно сделал, молодец. Я и не думал, что сам справишься, да еще и столь быстро, а ты вон как, аж завидно. В спецназ тебе нужно, танкист, не иначе как, – полковник усмехнулся. – Пойдешь под мое начало? Нам такие, как ты, очень нужны.

– Если обратно не вернусь, то пойду, – абсолютно серьезно кивнул Краснов. – Я ж ничего, кроме войны, и не видел. Да и гражданской профессии у меня нет, танкист я. Вот на Соньке женюсь и пойду. Поди, чему и научат...

– Даже так? – смущенно пробормотал тот. – Уже и свадьбу спланировал? Серьезный подход, да... Ладно, ловлю на слове. В бардачке сигареты, хочешь – кури. Скоро приедем, там и поговорим. Все, объявляю режим радиомолчания.

Глава 4

Дмитрий Захаров, 1943 год

Как ни странно, но награду он все-таки получил, причем еще до конца недели. На третий день немногословный комбат вручил ему картонную коробочку с орденом Красной Звезды. К ордену полагалась еще медаль «За отвагу» (уже вторая, между прочим!) и представление на очередное воинское звание, пока, впрочем, не утвержденное в штабе фронта. Уже после, расписываясь в ведомости, Дмитрий узнал, что «отважные» медали получили и все танкисты, как его погибший экипаж, так и Иван с Серегой. Первые, разумеется, посмертно...

А вот про разведывательную группу Гвоздева ни слова сказано не было – что, впрочем, и понятно, мужики подчинялись совсем иному ведомству. И свои награды, пусть и посмертно, надо полагать, тоже получили.

Луганского он больше не видел, хотя и подозревал, что «звездочку» получил не без его участия: наверняка ведь орден прилетел ему на грудь именно за трофейный портфель. Когда подумал об этом, неожиданно поймал себя на мысли, что за два сорванных немецких наступления, помноженную на ноль разведгруппу и спасенный госпиталь могли бы всех наградить и посерьезней, но тут же ее, эту самую мысль, и прогнал. Не за побрякушки воюет, в конце концов! Он и двадцатилетним пацаном в вылинявшей «афганке» за идею воевал, а уж сейчас?

Да и парни, как наспех похороненные им в том памятном лесу, так и дравшиеся плечом к плечу в крайнем бою, тоже. Так что нечего и стесняться: как бы там ни было, командовал он, значит, и орден получил вполне заслуженно. А вот о том, что эта самая «звездочка» – уже вторая в его жизни, знать, определенно, никому не стоит. Смешно, кстати, вышло: номер второго полученного им ордена отличается от первого куда *меньшим* количеством цифр...

Награды обмыли тихо, собравшись после отбоя возле танка. Вскрыли банку американской тушенки, нарезали крупными ломтями вчерашнюю буханку хлеба и, бросив в кружку со спиртом орден и медали, пустили по кругу. Всё – молча, поскольку говорить просто не хотелось. Да и не о чем было особенно говорить. Ну, награда – и награда, война ж идет, как тут без наград обойтись? Обычное дело.

Больше всего медали радовался заряжающий, но, глядя на более опытных Захарова и мехвода, старался особо вида не показывать, хоть порой и выходило плохо. По крайней мере, скрыть периодически бросаемые на новехонькую «Отвагу» восторженные взгляды ему так и не удалось. Дмитрий с Иваном, понимающе переглянувшись, разумеется, сделали вид, что ничего не замечают. Потому что первая в жизни боевая награда – это... ну, это, в общем, очень и очень важно! И поймет эту самую важность только тот, кто побывал в реальном бою.

А утром страдающего легким похмельем Захарова снова вызвали в штаб, где комбат сообщил, что танк за номером «сто двадцать четыре» переходит под его командование. В соответствии с чем ему необходимо срочно подобрать недостающего члена экипажа, суть – стрелка-радиста, после чего принять взвод. Угу, именно так – и никак иначе. Впрочем, а чего он хотел? До его «попадания» Краснов был именно взводным, и неплохо себя показал в последних боях (десантник внутренне усмехнулся: ну, да, мы пахали, я и трактор!). Спасибо, хоть роту сразу не дали, иначе куда б он без опыта-то? Школа славных советских воздушно-десантных войск и опыт горной войны – это, безусловно, сила, вот только пользы от нее тут, в сорок третьем да на командирском сиденье «тридцатьчетверки», почти никакой. Одна надежда на память Краснова. Учился ж он чему-то в своем танковом училище, да и повоевать за два года успел

неслабо. Так что будем надеяться, Захаров на его месте сделает не меньше, чем мог бы сделать младший лейтенант. А то, глядишь, и больше, мало ли как судьба повернется?

Заодно десантник получил и новое задание – пока еще не в качестве взводного. Ночью предстояло перегнать в расположение бригады отремонтированные танки, попутно сопроводив колонну из нескольких грузовиков. Штаб уже тоже сворачивался, собираясь убыть к новому ППД – никаких разъяснений не последовало, но Захаров понял, что бригаду перебрасывают подальше от линии фронта.

Отказыряв, Дмитрий, пригнувшись, выбрался из накуренной штабной землянки. Вот же курят предки, пипец просто! Нет, он тоже с самого Афгана дымил, лет после тридцати, впрочем, ежегодно безуспешно пытаюсь бросить, но чтобы так?! Да еще и такое откровенное дерьмо, гордо именуемое в этом времени «отменным табачком»? И ведь не самосад шмалят товарищи командиры, а вполне себе фабричные папиросы. Некоторые, правда, предпочитают трофейные сигареты, немецкие или французские, но, с точки зрения человека двадцать первого столетия, избалованного щедро разбавленным селитрой, формальдегидом, свинцом и прочими канцерогенами⁵ куревом, все равно излишне крепкие.

Стоя на пороге землянки, Захаров достал портсигар – последний подарок мехвода Балакина – и, отщелкнув крышку, выудил папиросину. Постучав картонной гильзой по крышке, сунул в рот, привычно уже смяв пальцами мундштук. Ухмыльнулся про себя: других критиковать легко, а вот когда самому подымить захочется, так ведь любое дерьмо в рот запихнешь!

Встрепенувшийся часовой закинул на плечо ремень карабина и поднес сложенные «лодочкой» ладони, внутри которых теплился огонек бензиновой зажигалки, сделанной из винтовочной гильзы:

– Пожалте, тарщ лейтенант.

Прикурив, Дмитрий благодарно кивнул, одарив бойца парой папирос. И неторопливо потопал обратно. Весь его невеликий экипаж ожидал возвращения командира возле входа во временно выделенную им для ночлега землянку:

– Здоров, командир, – мехвод протянул Дмитрию дымящуюся алюминиевую кружку. – На-кась, чайку дерни, поди, горло после разговора с комбатом пересохло? – и ухмыльнулся в усы. – Пей, я сахарку с запасом кинул, пока имеется. Правда, Серег?

– Угу, – согласился немногословный заряжающий. – Сладкий. Вкусно.

И, сделав из кружки шумный глоток, снова уставился в одному ему ведомую даль.

Поколебавшись пару минут, Дмитрий негромко сказал:

– Мужики, короче, дело такое. Теперь мы один экипаж, комбат распорядился. Осталось только радиста найти.

– Ну, а чо. Найдем, – механик затыкнулся самокруткой, окутавшись сизым махорочным облачком. – Есть у меня один знакомец из рембата, думаю, капитан отпустит, коль комбат добро дал. В рациях шарит – мама не горюй. Пулемета, правда, и в глаза не видел, но пользы-то от курсового, сам знаешь, командир. Диски менять научим, да на спуск жать тоже. А не попадет, так я гусеницами подправлю, – и, вновь усмехнувшись в усы, сделал солидный глоток чая.

– Яша зовут. И фамилия такая, необычная. Шнеерзон, короче. Ты как, командир, ничего против евреев не имеешь?

– Что? – на миг опешил Захаров. – А почему я должен что-то против них иметь?

– Ну, мало ли? – меланхолично пожал плечами мехвод. – Был у меня сержант, еще до того, как в рембат попал, так страсть, как их не любил. Погиб, правда, быстро да того... непонятно. А тебя я и не знаю толком. И Серега, вон, тоже не знает...

⁵ В состав современных сигарет входит мышьяк, формальдегид, свинец, цианид водорода, оксид азота, монооксид углерода, аммиак и еще 43 различных соединения, даже фосген! Так что травитесь на здоровье!

– Так, бойцы, – наконец-то врубился в тему Захаров, поднимаясь на ноги. – Верно говоришь, пора и познакомиться. Повоевали мы вроде бы неплохо, а вот времени друг дружку получше узнать не было, согласен. Короче, начну с себя. Младший лейтенант Василий Краснов. На фронте с конца лета сорок первого. Жив, как видите. Последние полчаса – комвзвода средних танков типа «три-четыре», которые нам, очень надеюсь, дадут. До того, впрочем, тоже был командиром взвода. Мой крайний экипаж в полном составе погиб несколько дней назад при отражении прорыва немцами линии фронта. Наша рота сумела их остановить, но выжил только я, так уж вышло. Всё.

Мехвод собрался было подняться следом, однако Дмитрий махнул рукой: «не нужно, мол».

– Ефрейтор Иван Фрунза. Бессарабский я. Аккерманского уезда, ежели по-старому. Молдаванин наполовину, по батьке. Когда в сороковом наши вернулись, меня как только не проверяли. И так, и эдак. «Энкавэдэ», все дела – кто ж виноват, что после империалистической все так обернулось? Мне тогда и лет-то было, одной рукой можно счесть. Ну, короче, сочли угнетенным классом, в Харьков отправили, на тракторный завод, благо профессия уже имелась. Там уж подучился тому-сему, освоился, наладчиком работал. А тут и фриц на нас двинул. Вот, примерно, так. Знаешь, лейтенант, как подумаю, что счас румыны на моей земле творят, так и ужраться хочется, в чистую жопу. А потом сесть за рычаги – и вперед. И чтоб не стрелять, чтоб гусеницами давить. Ну, ты давеча видал, как оно бывает, – и бросил смешливый взгляд в сторону смущенно потупившегося заряжающего.

– Ладно, понял я, – кивнул Захаров, про себя подумав: нет, ну что за издевка истории, а?! Сначала одессит Балакин, теперь – уроженец Аккерманского уезда, в его времени ставшего Белгород-Днестровским районом Одесской же области. И оба – механики-водители, кстати. Это что, прикол такой? Ему не понятный? Или... или так *должно было быть*?

– Серега, ну, а ты чего про себя интересного расскажешь? Нам теперь аж до самой Победы вместе воевать, так что давай, колись. А то напишешь чего похабного на стене Рейхсканцелярии, а мне потом за тебя краснеть.

– На чего стене? – искренне не понял заряжающий.

– Рейхстага. Ну, это в Берлине, там, где Гитлер от нас прячется. Неужто не захочешь на стене свой автограф оставить?

– Ну, я это... захочу, конечно... ежели фриц раньше не спалит...

– Неправильно мыслишь, Серега! Фриц нас спалит только тогда, когда мы сами к нему в прицел полезем. А вот ежели мы не полезем – то до самого Берлина и дойдем. Логику понимаешь? – встреча с земляком, пусть и проживавшим в доброй сотне километров от родной Одессы, настроила десантника на шуточный лад. Похоже, и механик со смешной фамилией Фрунза его понял:

– А чего ему понимать, ему главное – унитар не перепутать, верно, Сереж? Да об поллик не уронить, взрывателем вниз!

– Все б вам шутить, Иван Федорыч! Нормально пихал да не ронял, вона скоко фрицев набили, нет разве? Кстати, мой первый бой! И медалью навесили, если б плохо пихал, глядишь, и не дали бы!

– Ладно, ладно, виноват, – ухмыльнулся в прокуренные желтоватые усы мехвод. – Вон, и лейтенант тоже себя виноватым чуйствует. Ты, Серега, лучше о себе чего расскажи.

– А чо рассказывать-то? – надулся тот. – С Воронежа я. Не с самого, правда, недалечко так, с полста километров всего. Учиться поехал, в ФЗУ, а тут и война. Немец попер, ну, то да сё, а я ж не по месту жительства. Приписного и нету. Пока туда-сюда, спасибо, в рембат попал, руки-то у меня не с жопы растут, батя много чему обучил. А тут и бой этот. Ну и все. Товарищ младший лейтенант, разрешите обратиться? – совершенно неожиданно закончил свою спутанную речь заряжающий.

– Обращайся, – удивленно пожал плечами Захаров.

– Я не виноват, что меня тогда вытошнило. Товарищ ефрейтор ж не сказал, что фрица нужно ломом с катков выковыривать. А я, как кишки да прочее непотребство увидал, так и сблювал. Он с меня смеётся, а в чем я виноватый? Я мертвяков только в гробах и видал. Так что считаю, что ни в чем не виноватый. Вы ж теперь наш командир, вот и рассудите!

– Да что тут рассуждать? – искренне удивился десантник. – Привыкнешь еще. В первый раз всякое бывает. Насмотришься еще и на трупы, и на все остальное. На всех войны хватит. А ты, Иван Федорович, прекращай парня доставать. Думаешь, мне шибко приятно было?

– А я чего? – простодушно хмыкнул в роскошные «молдавские» усы механик-водитель. – Ладно, командир, проехали. Понял я все. Виноват, больше не буду. Так я это, за Яшкой сгоняю? Точно говорю, парень толковый, пригодится.

– Валяй, – Захаров присел на чурбачок, еще не успевший пойти на дрова, и передал механику опустевшую кружку. – За чаек спасибо, самое то оказалось. Что с танком?

– А что с ним может быть, он же только с ремонта? Заправиться, боекомплект получить – и можно воевать. Гусянку мы с Серегой еще вчера подтянули, пальцы кувалдочкой подбили. Нормально все.

– Вот и здорово. Тогда иди за этим твоим Яшей – радистом. Сегодня наше безделье и закончится.

Ближе к вечеру они вместе с еще несколькими отремонтированными танками и колонной из пяти грузовых машин выдвинулись в расположение бригады. Ехали, как и предписывал приказ, ночью, соблюдая максимальную светомаскировку, так что Дмитрий, послушав с полчаса сдавленный мат мехвода, вылез на башню, помогая тому ориентироваться – только не хватало съехать с дороги в какой-нибудь кювет. Впрочем, учитывая, что большую часть времени они двигались по узкой лесной дороге, особых шансов на подобное ДТП не было – почти как в том анекдоте: «Ну, и куда она с колеи денется?!». Конечно, сидеть на закраине люка и ловить в сизых облаках выхлопа впереди идущего танка едва заметные алые светлячки кормовых габаритов – то еще удовольствие, но не Сереге ж столь ответственное занятие поручать? Или заснет, сверзившись под гусеницы, или прошляпит момент, когда водила переднего танка – тьфу-тьфу, конечно! – ошибется и съедет с грунтовки.

Пару раз колонна и на самом деле останавливалась: сначала механик КВ то ли заснул на пару минут, то ли что-то намудрил с передачей и фрикционами, и сорокапятитонная махина сползла с дороги и заглохла, упершись бронированным лбом в комель могучей сосны и перегородив кормой и без того узкий проезд. Разумеется, сразу завести танк не удалось, и пришлось дожидаться, пока мехвод справится с проблемой.

Еще через час заглох один из идущих за танками грузовиков. Что такого важного он вез под наглухо зашнурованным брезентовым тентом, никто не знал, но по колонне немедленно передали приказ остановиться и ждать. Ждать пришлось довольно долго, однако старенький пятитонный «ЗИС» не внял мольбам копавшегося в моторе шофера, на которого *очень обиженно* взирал нервно куривший подле кабины немолодой сержант в фуражке с краповым околышем и бирюзовой тульей, и «Захара» пришлось взять на буксир одному из танков.

Пока стояли, десантник успел пару раз перекурить, потрепаться с Иваном и убедиться, что их новоприобретенный член экипажа, свернувшись калачиком, благополучно дрыхнет на неудобном сиденье. Еще перед выездом Фрунза объяснил, что Яков несколько последних дней спал всего по несколько часов в сутки, в авральном порядке занимаясь ремонтом радиостанций, а заодно и прочего электрооборудования. Пожав плечами, десантник посоветовал новенькому потуже затянуть шлемофон, не подключаться к ТПУ и отдыхать – если, конечно, сможет заниматься этим желанным для каждого солдата делом под рев танкового дизеля и нещадную тряску. Шнеерзон, как выяснилось, смог, отрубившись в первые же десять минут дороги...

На место добрались далеко за полночь. Заведя «тридцатьчетверку» под деревья, танкисты перекусили сухпаем и улеглись спать прямо в боевой машине. А на рассвете невыспавшийся и оттого злой Захаров уже принимал под командование обещанный взвод. Машины его не разочаровали: одна оказалась вовсе прямо с завода, вторая уже прошла пару боев, не получив при этом особенных повреждений. Экипажи порадовали еще больше – из восьмерых взводных танкистов необстрелянными были лишь трое, остальные уже успели повоевать. Что ж, неплохо, более чем неплохо! Ветераны – это всегда ветераны, теперь главное, чтобы его авторитета хватило на сколачивание надежной и сработанной команды. Хотя спасибо мамлею, насчет этого можно особо не переживать – уж кто-кто успел неслабо повоевать, так это Васька Краснов!

Познакомившись с экипажами и командирами остальных взводов роты, Дмитрий отправился разузнать насчет завтрака и осмотреться. Судя по всему, бригада разместилась здесь совсем недавно, но стоять собиралась явно не день-другой и даже не неделю. Прикинув в уме их нынешнее примерное расположение (карты у него, разумеется, не было, и Захаров всерьез подозревал, что не только у него), десантник мысленно хмыкнул: что ж, понятно! Примерно через два с небольшим месяца – начало Курской битвы. Или «Цитадели», ежели смотреть с противоположной стороны фронта. А пока, если не подводит память и его весьма скромные исторические познания, на Центральном и Воронежском фронтах наступила одна из самых продолжительных на этой войне оперативных пауз, которой суждено продлиться аж до июня. После мартовского немецкого контрнаступления и отхода наших войск из недавно освобожденных Харькова и Белгорода, обе стороны готовились к летним боям. Собственно говоря, именно благодаря успешному зимнему наступлению Красной Армии и не менее успешному контрудару вермахта и возник этот самый двухсоткилометровый выступ, впоследствии получивший знаменитое название «Курская дуга». И теперь и мы, и гитлеровцы копили силы для решающего сражения.

Ну, а тот самый внезапный немецкий прорыв, ставший его первым в этом времени боем и стоивший жизни экипажу и еще множеству отличных парней? Так стратегическая оперативная пауза в масштабах всего фронта отнюдь не означает, что противник не будет пытаться достигнуть определенных тактических успехов. Он, конечно, не большой спец в подобных вопросах, но примерно ситуацию понимает: допустим, вражеская разведка обнаружила в обороне слабинку – и фрицы попытались «вбить клин» на этом участке, стремясь хоть ненамного, но отжать линию фронта на восток. Упрощенно, конечно, но примерно так. Или просто решили прощупать оборону, что тоже вариант.

А вот о том, что происходит на других фронтах, Захаров, к своему стыду, помнил слабо – ну, говорил же уже, неправильный он «попаданец», неправильный! Ни ноутбука у него, ни особых исторических познаний. Вроде бы бои шли на Таманском полуострове и в районе Кубани, где советская авиация стремилась завладеть инициативой в воздухе⁶, и на Кавказе. Что он еще знает? Ну, в смысле, помнит? В конце зимы – начале весны прошла Краснодарская операция, наши отбили город и вытеснили фрицев на Таманский, где те и просидели до сентября, после чего эвакуировались в Крым. Ну, да, трудно не запомнить: кто из его поколения не слышал про «Малую землю»⁷? Хоть про Литературно-брежневскую, хоть про песенную, хоть про настоящую, где меньше трех сотен бойцов героически держали оборону крохотного плацдарма с февраля по сентябрь.

⁶ На самом деле крупномасштабные воздушные сражения на Кубани происходили с середины апреля по июнь 1943 года. В целом же Захаров несколько путается в порядке событий февраля – июня сорок третьего года.

⁷ «Малая земля» – небольшой плацдарм южнее Новороссийска (мыс Мысхако), где с февраля по сентябрь 1943 года, в течение 225 дней, держал оборону отряд морской пехоты (271 боец и 3 командира). 21 боец удостоен звания Героя Советского Союза. Эти события описаны в книге Л.И. Брежнева «Малая земля». В 1974 году впервые прозвучала песня на стихи Н. Добронравова и музыку А. Пахмутовой с аналогичным названием.

Но вот что происходило на остальных фронтах, Дмитрий, как ни напрягал память, вспомнить так и не смог. Похоже, ничего особенно важного: все, так или иначе, ждали исхода летнего противостояния. Это уж после «коренного перелома» пойдет: в начале ноября освободят Киев, в январе сорок четвертого – снимут блокаду Ленинграда, весной очистят от коричневой мрази Крым и родную Одессу... ну, и так далее аж до самого победного мая.

С другой стороны, все это, конечно, здорово, но с его минимальным уровнем исторических знаний Дмитрий имеет все шансы рано или поздно попасть в какую-нибудь весьма нехорошую историю. Потому просто жизненно важно получить сведения о событиях этой весны. Только как это сделать? Не пойдешь же к комбату или политруку с подобным вопросом? Мол, а расскажите, как там мы фрица бьем, а то я после контузии подзабыл малость? Даже не смешно. Тогда уж лучше сразу к товарищу Луганскому, смершевец его хоть лично знает. Ага, очень смешно...

Нет, излишнего интереса проявлять нельзя, иначе и к нему тоже проявят излишний интерес, причем довольно быстро. Блин, и память Краснова, как назло, молчит: похоже, политинформации Васька не любил и слушал вполуха. Хотя, возможно, личному составу просто не доводили никакой конкретики, а из ежедневных сводок Совинформбюро, прошедших не один уровень цензуры, много ли узнаешь? Кстати говоря, а вот и нет, про сводки – это он правильно вспомнил, нужно будет послушать. Поскольку он – в отличие от всех остальных в этом времени – как раз умеет читать между строк. Послезнание, все дела, ага... Ладно, с этим понятно: нужно потихоньку разузнать, как тут происходит ознакомление с новостями с фронтов – и вообще.

Задумавшись, десантник едва не врезался в немолодого усатого сапера, вместе с напарником тащившего на плечах свежееотесанное бревно.

– Кудыть, бл... – рявкнул было тот, но, разглядев знаки различия, утерил бас. – Простите, тарщ младший лейтенант, виноватый, не разглядевши. Только что ж вы, не глядучи-то, претесь? Чай, не по прощпекту с барышней гуляете.

– Это ты извини, старшина, задумался. Табачком угостишься? – Захаров достал портсигар.

– Куда ж мне курить, с эдакой-то мудой на плече, – хмыкнул тот в усы, хитро сверкнув глазами. – Но, ежели не жалко, то вы, тарщ командир, мне папироску-то вона за ухо пихните. Перекур будет – подымлю, да вас добрым словом вспомню. Еще и с напарником, с Кольшей вона, поделюсь, – и снова усмехнулся. – А то у нас одна махра да газетки.

Намек Дмитрий понял и вытянул из портсигара две папиросины:

– Держи, старшина.

– Вот и благодарствую, командир, – внезапно перешел на неуставной язык сапер. – Сразу видно, тилихентный человек, намеки понимает. И медали на груди сурьезные. Ну, мы потопали.

Проводив взглядом словоохотливого «стройбатовца» – угу, блин, именно стройбатовца! За языком следить нужно, вот что, уж сколько раз себя на подобном ловил! Еще бы «всошником»⁸ его обозвал, идиот! – десантник двинулся дальше, размышляя над тем, что бригада, определенно, обустройства всерьез и надолго. И землянки по всем правилам инженерного искусства строят, в три наката, и капониры для танков роют. А вон там, за кустами, определенно зенитная батарея развертывается, тоже позиции готовят. Похоже, командование и на самом деле надеется, что фрицы отсюда их до самого лета не вытурят. Что ж, хорошо, если б так!..

⁸ ВСО – военно-строительный отряд, далеко послевоенный термин. По сути, то же самое, что «стройбат».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.